

Исследование категории сопутствующего движения на материале параллельных текстов Нового Завета: показатели предшествующего движения vs движения с целью в тунгусо-маньчжурских языках

Н. М. Стойнова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
stoynova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8979-3788

Аннотация. В статье на материале параллельных переводов Библии исследуется категория сопутствующего движения (associated motion), а именно суффикс *-nda* в тунгусо-маньчжурских языках. Для него постулируются две типологически нетривиальные черты — пространственная нейтральность (как андативная ‘туда’, так и вентивная ‘сюда’ интерпретация) и узкое значение движения с целью (‘пойти, чтобы сделать’). На материале Евангелия от Луки (нанайский, эвенский и эвенкийский языки) и от Матфея (нанайский) я проверяю оба утверждения и определяю круг контекстов, характеризующих значение движения с целью внутри зоны сопутствующего движения. Обсуждается также надежность данных переводов Библии и возможности их применения для исследования значений «грамматической периферии».

Ключевые слова: сопутствующее движение, движение с целью, тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, параллельные переводы Библии.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 22-28-01336.

Associated motion in parallel translations of the New Testament: Prior motion vs. motion-cum-purpose markers in Tungusic

Natalia M. Stoynova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

(St. Petersburg, Russia); stoynova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8979-3788

Abstract. In this paper, I use parallel Bible translations to investigate the category of “associated motion” (AM) and describe in detail the use of the AM-suffix *-nda* in Tungusic based on this data.

This suffix has been ascribed two cross-linguistically non-trivial features: first, it is spatially neutral, i.e. it can be used in both andative (‘thither’) and ventive (‘hither’) contexts; and second, it can have a narrow meaning of motion-cum-purpose (‘go to V’). To verify these two claims, I used the Gospel of Luke in Nanai, Even, and Evenki translations and the Gospel of Matthew in Nanai where I annotated all prior motion contexts (‘go/come and then V’, ‘go/come to V’).

To test the spatial neutrality of *-nda*, I calculated the number of andative contexts (‘go’) marked with *-nda* vs. other means. The same procedure was applied to ventive contexts (‘come’). The results show that though *-nda* can indeed occur in either type of contexts, it is more often found in andative ones.

To clarify the exact meaning of *-nda* within the prior motion domain and contribute to a more general discussion on the cross-linguistic relevance of distinguishing a separate category of motion-cum-purpose, I classified all the contexts of prior motion into seven types arranged from clearly non-purposive to clearly purposive contexts. The suffix *-nda* does not cover clearly non-purposive contexts and, in this sense, it is indeed a dedicated motion-cum-purpose marker. On the other hand, clearly purposive contexts are not central for *-nda* either as it tends to occur in contexts intermediate between purposive and non-purposive ones.

I also discuss Bible translations as a reliable source of linguistic data. In particular, I compared the uses of AM-markers in Luke to those found in spontaneous narratives, as well as in two translations of Matthew (1884) vs. Luke (2002). The Bible data appear to be safe enough, although some syntactic calques from Russian do take place.

This study shows the top-down (meaning-form) approach to parallel Bible translations proposed in this volume to be fruitful for investigation of some specific features of AM-markers. However, its use seems problematic for a wide cross-linguistic study of associated motion and of other peripheral grammatical categories. The problem is

that they may occur in less predictable contexts; e.g., affixes with the meaning ‘go and V’ may be found far beyond the contexts explicitly marked with the verb ‘go’ in languages lacking such morphemes. The bottom-up (form-meaning) approach used, e.g., by B. Wälchli seems to be more promising for this purpose.

Keywords: associated motion, motion cum purpose, Tungusic languages, Nanaï, parallel Bible translations.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, project 22-28-01336.

1. Категория сопутствующего движения. Суффикс сопутствующего движения в тунгусо-маньчжурских языках

О категории сопутствующего движения (associated motion, далее АМ) принято говорить применительно к системам глагольных показателей, указывающих на то, что ситуация сопровождается перемещением в пространстве. Такие системы распространены и впервые описаны в языках Австралии (см. работы [Koch 1984], где впервые вводится термин «сопутствующее движение», [Wilkins 1991; Levinson, Wilkins 2006; Koch 2021] и др.), а также в языках Амазонии и, шире, Южной Америки (см. [Guillaume 2006, 2009, 2016; Vuillermet 2012; Rose 2015] и др.). С 2010-х гг. в терминах сопутствующего движения начинают описываться глагольные показатели других ареалов: Африки (см. об атлантических [Voisin 2013, 2021] и австроазиатских [Belkadi 2015, 2021] языках), Азии (см. о сино-тибетских [Jacques 2013; Jacques et al. 2021], чукотско-камчатских, самодийских и тунгусо-маньчжурских [Волков, Стенин 2019] языках). Не все из них похожи на австралийский «прототип».

Подходы к типологии сопутствующего движения предлагаются в [Guillaume 2016; Belkadi 2015; Ross 2017]. Суммирует накопленные данные недавний сборник [Guillaume, Koch (eds.) 2021], см. в особенности обобщающую статью [Guillaume, Koch 2021].

Для систем сопутствующего движения выделяют следующие основные параметры типологического варьирования (см. [Guillaume 2016; Guillaume, Koch 2021]). (В качестве примеров я привожу релевантные контексты из текстов Нового Завета.)

- а) Сложность системы: от одного до нескольких десятков показателей.
 - б) Ориентация в пространстве: значение сопутствующего движения часто выражается совместно с пространственными значениями — в первую очередь дейктическими, а также уточняющими направление и локализацию (ср. (1)–(4)). Наличие больших систем сопутствующего движения связано прежде всего с их пространственной детализацией.
- (1) <...> **Пошел и продал всё, что имел** <...> [Мф. 13:46]¹
 - (2) <...> **Пришел Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане.** [Мк. 1:9]
 - (3) <...> **Вышел и удалился в пустынное место** <...> [Мк. 1:35]
 - (4) **Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал.** [Ин. 20:8]

¹ Контексты Нового Завета цитируются по русскому Синодальному переводу. Указание на источник дается в стандартном формате [книга глава:стих]. При цитировании примеров из библейских текстов на эвенском, эвенкийском, нанайском, кавиненья сохраняется орфография источника, глоссы наши. Элицитированные и сконструированные примеры даются без указания на источник. При цитировании примеров из спонтанных нарративов соблюдаются следующие конвенции:

- а) Нанайский и ульчский языки: для примеров из наших собственных лекций дается указание на текст; для примеров из опубликованных текстов приводится указание на источник, орфография унифицированная на основе латиницы (в т. ч. для текстов, опубликованных в кириллической записи), глоссы наши.
- б) Эвенкийский, эвенский, удэгейский и негидальский языки: орфография как в источнике, глоссы как в источнике, с незначительной унификацией.

- в) Характеристики ситуации: значение сопутствующего движения может также выражаться совместно с аспектуальными и акциональными характеристиками самой ситуации.
- г) Субъектно-ориентированные (5) vs объектно-ориентированные (6) показатели:
- (5) <...> *Вот, Я сделаю то, что они придут и поклонятся пред ногами твоими, и познают, что Я возлюбил тебя.* [Откр. 3:9] — ‘поклонятся те, кто пришли’
- (6) <...> *Но говорю вам, что Илия, уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели.* [Мф. 17:12] — ‘не узнали того, кто пришел’
- д) Временные отношения между ситуацией движения и ситуацией, описываемой лексическим глаголом: предшествующее движение (7), одновременное движение (8), последующее движение (9)².
- (7) <...> *Он пошел и снял тело Иисуса.* [Ин. 19:38]
- (8) <...> *И когда они шли, очистились.* [Лк. 17:14]
- (9) <...> *И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге.* [Мк. 10:52]

Наиболее распространены показатели предшествующего движения: они имеются во всех системах АМ; в богатых системах таких показателей, как правило, больше, чем прочих; наименее распространены показатели последующего движения (см. [Levinson, Wilkins 2006]).

² Далее я последовательно, в т. ч. говоря о самих семантических контекстах, а не только об употреблении показателей АМ, условно использую термины «ситуация движения» (та ситуация, которая в языках с категорией АМ выражается грамматически) и «ситуация лексического глагола» (та ситуация, которая в языках с категорией АМ выражается исходным лексическим глаголом).

Особая разновидность предшествующего движения — значение движения с целью, как в (10). Здесь семантически центральной оказывается ситуация движения, а не ситуация лексического глагола.

- (10) *После многих лет я **пришел**, чтобы доставить милостыню народу моему и приношения.* [Деян. 24:17]

Вопрос о существовании типологически релевантного класса узких грамматических показателей движения с целью и о включении их в категорию сопутствующего движения остается дискуссионным. Так, изначальное определение Г. Коха как будто бы исключает такие показатели: «В получающихся таким образом сложных глагольных формах значение движения подчинено значению (основного) действия» [Koch 1984: 26]³. В работах А. Гийома принимается более широкое определение: показатели сопутствующего движения используются для того, чтобы «соотнести тем или иным образом разные типы движения с ситуацией, обозначаемой глаголом» [Guillaume 2016: 81]⁴, включение движения с целью в зону сопутствующего движения специально оговаривается. В [Rose 2015: 121–122], наоборот, эксплицитно утверждается, что движение с целью не должно включаться в семантическую зону сопутствующего движения. См. также обсуждение различий между соответствующими значениями в [Lovestrand, Ross 2021: 98–100].

Значение предшествующего движения (‘пошел и сделал’) и движения с целью (‘пошел делать’) может выражаться одним и тем же показателем. Определение точного значения показателя иногда требует дополнительного исследования (поэтому, например, в типологических работах [Guillaume 2016; Ross 2021; Lovestrand, Ross 2021],

³ “⟨Verbs that indicate any kind of activity may also be specified for various kinds of motion associated with the activity.⟩ In the complex verb forms which result, the indication of motion is subordinate to that of the main activity”. [Koch 1984: 26].

⁴ “⟨...⟩ To associate, in different ways, different kinds of motion to a verb event”. [Guillaume 2016: 81].

выполненных на материале грамматик, принимается техническое решение не разделять их). Однако есть и свидетельства отдельного выражения значений не-целевого предшествующего движения и движения с целью в одном языке. Так, в [Jacques 2013] обсуждаются различия между показателями сопутствующего движения и глагольными конструкциями (но не морфологическими показателями) со значением движения с целью в языке Japhug (IPA: [tɛɣʰu]); тибето-бирманские). Г. Кох приводит свидетельства диахронического развития аффиксов не-целевого предшествующего движения из конструкций со значением движения с целью в некоторых языках пана-ньюнга [Koch 2021].

В тунгусо-маньчжурских языках, материал которых подробно рассматривается в этой статье, категория сопутствующего движения (в широком смысле, принятом в [Guillaume 2016]) представлена суффиксом *-ndA*⁵, см. о нем [Стойнова 2016] (о нанайском), [Стойнова 2017] (о нанайском и удэгейском), [Волков, Стенин 2019] (об удэгейском, в сопоставлении с самодийскими и чукотско-камчатскими), [Alonso de la Fuente, Jacques 2018] (о классическом маньчжурском), [Pakendorf, Stoynova 2021] (о нанайском, ульчском, удэгейском, негидальском и двух диалектах эвенского). Он выступает в двух типах употреблений — в независимом употреблении (финитный лексический глагол + суффикс *-ndA*) и в плеонастической деепричастной конструкции с выраженным глаголом движения (лексический глагол с суффиксом *-ndA* в нефинитной форме деепричастия + финитный глагол движения), ср. примеры (11) и (12):

- ульчский
- (11) *ilan-ʒi bəgdi-ču givu gələ-ŋdə-xə-n*
 три-INS нога-PROP косуля искать-AM-PST-3SG

‘Он **пошел** **искать** косулю с тремя ногами’. [Суник 1985: 74, текст 3:155]

⁵ Форма суффикса в современных тунгусо-маньчжурских языках различна. Далее он условно называется *-ndA* в соответствии с реконструкцией [Benzing 1955: 120].

УДЭГЕЙСКИЙ

- (12) *xiku zawa:-k me-mi käusala-na:-mi ɣene:-ni*
 веревка брать.PST-EXPR REFL-ACC вешать-AM-CVB.SIM идти.PST-3SG
 ‘Она взяла веревку и **пошла вешаться** (букв. ‘вешаясь-пойдя пошла’). (Она нашла было место, это оказалось неудачное место)’. [Nikolaeva et. al. 2003: 80, текст 12:48]

Отдельно можно упомянуть «эхо-употребления», когда финитному глаголу с суффиксом *-nda* предшествует глагол движения⁶:

НЕГИДАЛЬСКИЙ

- (13) *safkan ətə-kəl ɟep-na-kal*
 Савкан **приходить**-IMP.SG есть-AM-IMP.SG
 ‘Савкан, **приходи поешь!** (букв. приходи, приходи-поешь)’. [Pakendorf, Aralova 2017, DIN_savkan: 77]

Известны две особенности суффикса *-nda*, интересные в более широкой типологической перспективе. Во-первых, по крайней мере для некоторых языков, можно считать его пространственно нейтральным: он обслуживает контексты движения разных типов, в частности как андативные (‘пойти, уйти’), так и вентивные (‘прийти’),⁷ ср. (11)–(12) и (13). Такая — максимально редуцированная — система резко контрастирует с «прототипическими» богатыми системами сопутствующего движения Австралии и Амазонии. Во-вторых, (также по крайней мере для некоторых языков) *-nda* претендует на статус специализированного показателя движения с целью (‘пойти/прийти, чтобы V’), ср. (12), где это единственно возможная интерпретация. Наличие таких морфологических показателей интересно в контексте дискуссии о статусе движения с целью в рамках категории сопутствующего движения vs в качестве отдельной категории.

⁶ При подсчетах ниже такие употребления условно отнесены к независимым.

⁷ Это не так для классического маньчжурского, где *-na* (*-nda*) выступает как андативный показатель, а вентивные контексты маркируются отдельным суффиксом *-ndzi* [Alonso de la Fuente, Jacques 2018: 505].

Ниже я рассмотрю эти две особенности на материале параллельных текстов Евангелия от Луки, переведенного на нанайский, эвенский и эвенкийский языки. В текстах Евангелия я нашла и разметила по нескольким семантическим параметрам все контексты предшествующего движения, включая целевые. О переводах Библии на тунгусо-маньчжурские языки и об отборе контекстов см. *Раздел 2*. Для каждого контекста я проверила, оформляется ли он показателем сопутствующего движения или другим средством — конструкцией с глаголом движения в деепричастной форме ‘пойдя, сделал’, конструкцией с целевым деепричастием ‘пошел, чтобы сделать’, сочинительной конструкцией ‘пошел и сделал’. На материале составленной таким образом выборки контекстов можно делать выводы о том, оформляет ли тунгусский показатель *-ndA* только целевые контексты или и целевые, и не-целевые контексты предшествующего движения, какие контексты для него более характерны (см. об этом в *Разделе 3*), варьирует ли это по языкам. Ту же размеченную выборку можно в дальнейшем использовать и для других языков, для которых стоит проблема разграничения не-целевого и целевого значений предшествующего движения. Также я проверила, какая часть вентивных (‘сюда’) и какая часть андативных (‘туда’) контекстов оформлена показателем сопутствующего движения (*Раздел 4*). Анализ проводился на материале нанайского перевода, поскольку в эвенском и эвенкийском переводах показатель *-ndA* употребляется крайне редко, см. о сопоставлении этих языков в *Разделе 5*.

Отдельно я рассматриваю вопрос о надежности переводов Библии как источника лингвистических данных (*Раздел 6*). Я сравниваю употребление показателя *-ndA* в Евангелии от Луки vs в спонтанных нарративах и сопоставляю материал двух переводов — недавнего перевода Евангелия от Луки и более раннего перевода Евангелия от Матфея; также рассмотрены примеры, свидетельствующие о калькировании русской модели сочинительной конструкции (‘пошел и сделал’).

Ограничения и возможности использованного в работе подхода к исследованию категории сопутствующего движения и, шире, значений грамматической периферии обсуждаются в *Разделе 7*. В иллюстративных целях я привлекаю данные переводов Нового Завета на язык

кавиненья (таканские) с более типичной системой показателей сопутствующего движения, чем в тунгусо-маньчжурских языках. Результаты исследования суммируются и обсуждаются в заключительном *Разделе 8*.

2. Данные: переводы Библии на тунгусо-маньчжурские языки, выборка контекстов предшествующего движения

Переводы Библии на тунгусо-маньчжурские языки осуществлялись в два этапа (см. подробнее [Петров 2013]). Первый охватывает вторую половину XIX в. и связан прежде всего с деятельностью созданного в 1854 г. Комитета по переводу Священного Писания на языки местных народов под началом Иннокентия Вениаминова (на тот момент — архиепископа Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки). К этому времени относятся переводы Евангелия от Матфея на эвенский и нанайский языки. На эвенский язык (ольский говор, лежащий в т. ч. в основе современного литературного эвенского языка) Евангелие переведено в 1854 г. протоиереем Охотским Стефаном Константиновичем Поповым (издано в 1880–1881 гг.). На нанайский язык Евангелие переведено миссионером Прокопием Протодиаконным, епископом Гиляцким и Тырским, в 1884 г. (о его переводческой деятельности и деятельности по документации нанайского фольклора см. [Котвич 1909: 213–214]). Центр его миссии находился на тот момент на территории уссурийских нанайцев. Язык перевода сильно отличается от современного литературного нанайского, в основу которого положен найхинский говор средне-амурского диалекта. Л. И. Сем атрибутирует нанайские фольклорные тексты, записанные П. Протодиаконным, по лингвистическим чертам и некоторым упоминаниям топонимов как принадлежащие к диалекту, переходному между бикинским (уссурийским) и амурскими (верховскими) говорами [Сем 1976: 16]. Видимо, тот же диалект лег и в основу перевода Евангелия.

Второй этап переводов связан с деятельностью Института перевода Библии и относится к двухтысячным годам. На эвенский, эвенкийский

и нанайский язык (в их современных литературных формах) было переведено Евангелие от Луки. Переводы на эвенский и эвенкийский язык сделаны в 2001 г. носителями языков: В. С. Элрикой — на эвенский, Н. Я. Булатовой и А. Н. Мыреевой — на эвенкийский. На нанайский язык Евангелие от Луки перевел в 2002 г. А. В. Столяров при участии носителей языка из с. Найхин, перевод был отредактирован носителем языка А. С. Киле (ср. также переиздание 2021 г.).

В этой статье использованы преимущественно данные переводов Евангелия от Луки. Менее подробно рассмотрены данные одного из переводов Евангелия от Матфея — на нанайский язык. Перевод Евангелия от Матфея на эвенский язык не привлекался.

Для анализа были вручную выбраны все контексты предшествующего движения. В качестве опорного был использован русский (Синодальный) перевод Библии, поскольку он же преимущественно использовался при переводе на тунгусо-маньчжурские языки, при необходимости привлекались древнегреческий, латинский и английский тексты. Далее, не уточняя, я буду говорить о «стимульных контекстах». В выборку попали контексты с глаголами перемещения: в русском переводе это *идти* и его дериваты, а также некоторые другие (например, *приступать*). Взяты только такие контексты, в которых ситуация перемещения предшествует ситуации лексического глагола, в русском переводе это контексты типа: *придя, сделал* (деепричастие + финитный глагол); *пришел и сделал* (финитный глагол + финитный глагол); *пришел делать* (финитный глагол + инфинитив); *пришел, чтобы сделать* (финитный глагол + *чтобы* + инфинитив); *пришел для делания* (финитный глагол + предложная группа с номинализацией). Всего в Евангелии от Луки 193 таких контекста, в Евангелии от Матфея — 186 контекстов (см. их список в *Приложении*). Каждый контекст был размечен с точки зрения того, является ли он целевым или не-целевым (см. *Раздел 3*), андативным или вентивным (см. *Раздел 4*). Указывалось, используется ли в нем показатель сопутствующего движения, если да, то в независимом употреблении или в деепричастной конструкции, если нет, то какая альтернативная конструкция используется. Отдельно, если в тунгусском переводе был использован глагол движения, указывалось, какой именно.

3. Предшествующее движение vs движение с целью

3.1. Классификация контекстов предшествующего движения

Материал переводов Библии дает возможность уточнить значение показателя *-ndA*: является ли он показателем предшествующего движения или более узким показателем движения с целью. Это интересно, в частности, в контексте более общего вопроса о том, считать ли движение с целью отдельной типологически релевантной категорией (см. *Раздел 1*).

Имеющиеся наблюдения дают не вполне однозначную картину, ср. примеры (14)–(16) из нанайского языка: в (14) можно говорить о предшествующем движении, в (15) — о движении с целью, (16) неоднозначен.

- НАНАЙСКИЙ
 (14) *palan-dola sisox sisox sisox golžon žulīā-či-ə-ni*
 пол-ЛОС ИДЕОРН ИДЕОРН ИДЕОРН очаг перед-LAT-OBL-3SG
tā-ndā-gu-xə-ni
 сидеть-AM-REP-PST-3SG

‘По полу **идет**, сисох, сисох, сисох шаркая, **и села** перед печкой’. [Бельды, Булгакова 2012: 178, текст 16:60]

- НАНАЙСКИЙ
 (15) *simbi-ə xaj bələci-ndā-xəm-bi-ə un-ži*
 2SG-ACC что помогать-AM-PST-1SG-EMPH говорить-PRS
 ‘Тетя, ты зачем приехала?’ Я **приехала** тебе **помочь**, говорит’. [Оскольская и др. 2013, nmch_110815_ns_MatJagody.069]

- НАНАЙСКИЙ
 (16) *Keaŋa tata ən'ua-wə-ni gələ-ndā-m' aja*
 Киана старуха котел-ACC-3SG просить-AM-CVB.SIM.SG хорошо
 ‘(...) **Пойдемте просить / пойдемте попросим** котел у старухи Киана (...)’ [Аврорин 1986: текст 16]

В этом разделе на материале перевода Евангелия от Луки на на-найский язык я проверяю, какая доля целевых vs не-целевых контекстов покрывается показателем *-nda*. Не все контексты предшествующего движения можно с надежностью охарактеризовать как целевые vs не-целевые, скорее имеет место континуум, и внутри него именно про «серую зону» промежуточных контекстов (таких как (16)) наименее очевидно и особенно интересно, будут ли они оформлены соответствующим показателем. Ниже я обсуждаю более подробную классификацию контекстов, которую в перспективе можно использовать для исследования показателей предшествующего движения и/или движения с целью на более широком материале.

Я расклассифицировала контексты предшествующего движения, опираясь на два признака. Первый — симметрия vs асимметрия между ситуацией движения и ситуацией лексического глагола: ситуации могут быть симметричны или одна из них осмысливается как центральная, а вторая — как периферийная. В бесспорно целевых ситуациях центральная ситуация — ситуация движения (*пришел делать*), в бесспорно не-целевых — ситуация лексического глагола (*придя, сделал*). Само по себе это противопоставление семантико-прагматическое, но в реальности при классификации я прежде всего полагалась на стимульный (русский) контекст:

- центральная ситуация — лексический глагол: в стимульном контексте глагол движения оформлен зависимой клаузой или деепричастием, лексический глагол — финитный (*когда пришел, возвестил; придя, возвестил*);
- ситуации симметричны: в стимульном контексте сочиненная структура с двумя финитными глаголами (*пришел и возвестил*);
- центральная ситуация — движение: в стимульном контексте глагол движения — финитный, лексический глагол — целевая клауза (в русском: инфинитив, зависимая клауза со *чтобы*) или предложная группа (*пришел возвестить; пришел, чтобы возвестить; пришел для возвещения*).

Вторым основанием для классификации была охарактеризованность ситуаций движения и лексического глагола по истинности. Определяющая особенность целевого контекста состоит в том, что он относится к контекстам т. н. снятой утвердительности, или неверидикальности (см. различные подходы к (не)веридикальности в [Zwarts 1995; Giannakidou 2009; Падучева 2015]; ср. также обобщающую работу [Giannakidou, Mari 2021]). Ситуация движения охарактеризована по истинности, тогда как ситуации лексического глагола (ситуации-цели) истинностная характеристика не дается: *пришел и победил* = ‘верно, что пришел, верно, что победил’ vs *пришел, чтобы победить* = ‘верно, что пришел, неизвестно, победил ли’. Можно рассматривать то же противопоставление в терминах реальности / ирреальности (ситуация-цель ирреальна), однако более общая, истинностная характеристика оказывается удобнее.

Эту часть классификации я старалась сделать максимально независимой от стимульного (русского) текста. При разметке для характеристики каждой из двух ситуаций использовались пометы “ver” и “nonver” (ситуация охарактеризована / не охарактеризована по истинности), а также “ver+” и “nonver+” (ситуация охарактеризована / не охарактеризована по истинности, и более широкий контекст дает этому бесспорные свидетельства).

Комбинация указанных двух признаков позволяет разбить контексты предшествующего движения на семь типов, располагающихся в континууме от бесспорно не-целевых до бесспорно целевых так, как представлено в (17). Сами типы и стоящие за ними комбинации признаков показаны в *Таблице 1* (с. 482). Ниже все типы обсуждаются и иллюстрируются примерами.

- (17) НЕЦЕЛЕВЫЕ \longleftrightarrow ЦЕЛЕВЫЕ
 1) NONPURP++ — 2) NONPURP+ — 3) NONPURP? — 4) NONPURP / PURP — 5) PURP / NONPURP — 6) PURP? — 7) PURP+

Типы 3 и 6 (“nonpurp?” и “purp?”) наиболее характерны для нарративного типа текста, преимущественно представленного в Евангелии. Это контексты, оформленные в стимульных предложениях как сочиненная (тип 3) vs как целевая конструкция (тип 6), обе ситуации

Таблица 1. Семантические типы предшествующего движения

Table 1. Semantic types of prior motion

Тип	(а)симметрия между ситуациями движения и лексического глагола	охарактеризованность по истинности
1) NONPURP++	центральная ситуация — лексический глагол	любая комбинация
2) NONPURP+	ситуации симметричны	движение: ver, лекс. глаг.: ver+
3) NONPURP?		движение: ver, лекс. глаг.: ver
4) NONPURP / PURP		движение: nonver, лекс. глаг.: nonver
5) PURP / NONPURP		движение: ver, лекс. глаг.: nonver
6) PURP?	центральная ситуация — движение	движение: ver, лекс. глаг.: nonver
7) PURP+		движение: ver, лекс. глаг.: nonver+

с референцией к прошлому. Ситуация лексического глагола, предположительно охарактеризованная (тип 3) vs предположительно неохарактеризованная по истинности (тип 6), однако отчетливых свидетельств этому в тексте нет. Тип 3 иллюстрируется примером (18а), тип 6 — примером (19а):

(18) а. <...> *И вошла* в дом Захарии, и *приветствовала* Елисавету. [Лк. 1:40]

≈ б. *вошла поприветствовать*

(19) а. *И вышли видеть* происшедшее; и, *придя к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисуса, одетого и в здравом уме; и ужаснулись*. [Лк. 8:35]

≈ б. *вышли и видели*

Как видно из примеров, разница между типами 3 и 6 трудноуловима: в том же контексте вполне естественны были бы соотносительные пары (18б) и (19б), иллюстрирующие, соответственно, противоположный тип. Единственный (ненадежный) ориентир при определении типа — синтаксическое оформление в стимульном контексте.

Тип 1 (“nonpurp++”), иллюстрируемый примером (20), составляют употребления, оформленные в стимульном предложении конструкцией с финитным лексическим глаголом и зависимым глаголом движения (в русском переводе: деепричастие или союзное временное придаточное). Такое оформление указывает на то, что ситуация движения в данном случае семантически периферийная, а ситуация лексического глагола — центральная, а не наоборот, как в целевых контекстах. Таким образом, эти контексты с большей уверенностью могут быть атрибутированы как не-целевые (даже если между ситуациями можно усмотреть причинно-следственную связь, как в (20)).

- (20) <...> *Подойдя сзади, коснулась края одежды Его; и тотчас течение крови у ней остановилось.* [Лк. 8:44] ≠ *подошла, чтобы коснуться*

Контексты типа 2 (“nonpurp+”) имеют в стимульном предложении то же финитное оформление, что и контексты типа 3. Отличаются они тем, что для них можно надежно установить, что говорящим утверждается истинность ситуации лексического глагола. Возможность эта появляется для неконтролируемых ситуаций: для них целевая интерпретация недоступна, см. примеры (21) и (22):

- (21) *На это сказал Иисус: некоторый человек **шел** из Иерусалима в Иерихон **и попался** разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым...* [Лк. 10:30] ≠ *#шел для того, чтобы попасться разбойникам*
- (22) *Встав от молитвы, Он **пришел** к ученикам, и **нашел** их спящими от печали.* [Лк. 22:45] ≠ *#пришел, чтобы найти спящими*

Тип 7 (“purp+”), наоборот, представлен контекстами, для которых можно с уверенностью постулировать целевое значение. Это такие

контексты с целевой клаузой в стимульном предложении, для которых, в отличие от контекстов типа б с тем же оформлением, очевидна снятая утвердительность ситуации лексического глагола. Надежным свидетельством снятой утвердительности может служить, например, отрицание лексического глагола в правом контексте, как в сконструированном примере (23а), ср. с (19а) выше. В отличие от (19а), в (23а) очевидно, что ситуация ‘увидеть’ не была реализована, т. е. мы имеем дело с собственно целевым значением (ср. невозможность подставить в тот же контекст сочинительную конструкцию в (23б)).

(23) а. *И вышли, чтобы увидеть происшедшее. Но ничего не увидели.*

б. **И вышли и увидели происшедшее. Но ничего не увидели.*

В выборке из Евангелия таких примеров не встретилось⁸, но есть примеры типа (24), в которых правый контекст также указывает на собственно целевое значение с достаточной очевидностью. В (24) из Евангелия от Матфея за *побежали возвестить* следует описание встречи, которая происходит между ситуациями ‘побежали’ и ‘возвестить’, из чего понятно, что ситуация ‘возвестить’ в *побежали возвестить* концептуализируется как нереализованная.

(24) *И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою **побежали возвестить** ученикам Его. Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. [Мф. 28:8–9]*

Другое указание на бесспорно целевое значение и неохарактеризованность ситуации лексического глагола по истинности — несовпадение временных пластов ситуации движения и ситуации лексического глагола. Убедительны в этом смысле примеры типа (25)–(27)

⁸ Похож на обсуждаемые пример с отрицанием: ⟨...⟩ и пришел искать плод на ней, и не нашел [Лк. 13:6]. Но в нем отрицается не ситуация ‘искать’, а результирующая ситуация ‘найти’.

не из нарратива, в которых границей временных пластов служит момент речи. Такие употребления описывают ситуацию движения с референцией к моменту речи (25) или к точке до момента речи (26), (27) и ситуацию лексического глагола с референцией к будущему.

- (25) *Другой сказал: я купил пять пар волов и **иду испытать** их; прошу тебя, извини меня.* [Лк. 14:19] — ‘уже иду, еще не испытал’
- (26) *Ты **пришел погубить** нас.* [Лк. 4:34] — ‘уже пришел, еще не погубил’
- (27) *Я **пришел призвать** не праведников, а грешников к покаянию.* [Лк. 5:32] — ‘уже пришел, еще не призвал’

Наконец, типы 4 и 5 (“nonpurp / purp”, “purp / nonpurp”) располагаются в середине континуума от отчетливо не-целевых к целевым. Речь идет о «контекстах нейтрализации», в которых снятая утвердительность распространяется и на ситуацию движения, и на ситуацию лексического глагола, ср. примеры (28) (тип 4) и (29) (тип 5).

- (28) *И сказал им Иисус в ответ: **пойдите, скажите** Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют... [Лк. 7:22] ≈ пойдите сказать*
- (29) *Услышав об Иисусе, он послал к Нему Иудейских старейшин просить Его, чтобы **пришел исцелить** слугу его. [Лк. 7:3] ≈ чтобы пришел и исцелил*

В таких употреблениях снятая утвердительность ситуации движения задана внешним грамматическим контекстом — будущим временем, императивом или гортативом, контрфактическим условием, модальным предикатом и другими известными триггерами снятой утвердительности (см. их краткий обобщающий список, например, в [Taboada, Tpanavac 2014: 3–4]). Для ситуации лексического глагола источник снятой утвердительности в точности не известен: либо это тот же внешний контекст (и тогда значение не-целевое: *пошли*

сказали → чтобы [пойти сказать]), либо утвердительность снижается целевой семантикой (и тогда значение целевое: пошли [сказать] → чтобы [пойти [сказать]]). Некоторые указания может дать форма глагола в стимульном переводе (пойдите скажите — тип 4: “nonpurp / purp”, пришел исцелить — тип 5: “purp / nonpurp”), однако семантически типы 4 и 5 действительно очень близки, а соответствующие формы, как правило, взаимозаменяемы.

3.2. Предшествующее движение vs движение с целью: данные нанайского языка

В *Таблице 2* приведены данные по нанайскому переводу Евангелия от Луки: для каждого из перечисленных семи типов подсчитана доля примеров, оформленных показателем сопутствующего движения, от всех примеров соответствующего типа. В *Таблице 3* те же данные представлены в обобщенном виде: для всех целевых контекстов (оформленных в стимульных предложениях целевой конструкцией; типы 5–7) vs для всех не-целевых, за исключением тех, в которых показатель сопутствующего движения не встретился ни разу (типы 3–4).

Данные *Таблиц 2* и *3* позволяют сделать следующие обобщения. Целевые контексты (оформленные в стимульных предложениях целевой конструкцией: типы 5–7) значимо чаще оформляются показателем *-ndA*, чем не-целевые (оформленные в стимульных предложениях сочинительной конструкцией: типы 3–4), *Таблица 3*⁹.

Употребления *-ndA* засвидетельствованы для всех типов целевых контекстов. Их процент максимален в контекстах снятой утвердительности: тип 5 (“purp / nonpurp”: *иди сказать*), ср. (30). Впрочем, возможно в силу малого количества примеров, разница с другими целевыми типами (6 и 7) статистически незначима, см. *Таблицу 2*.

⁹ В *Таблице 3* учтены только те типы, в которых показатель встретился хотя бы единожды, если же учитывать и те типы, в которых он не встретился, т. е. типы 1 и 2, то асимметрия будет еще отчетливее.

Таблица 2. Целевые vs не-целевые контексты в нанайском переводе Евангелия от Луки: процент употреблений с показателем сопутствующего движения

Table 2. Purposive vs. non-purposive contexts in the Nanai translation of the Gospel of Luke: % of uses with the AM-suffix

Тип	с показателем АМ	без показателя АМ	% с показателем АМ
1) NONPURP++	0	54	0 %
2) NONPURP+	0	9	0 %
3) NONPURP?	2	52	4 %
4) NONPURP / PURP	5	18	22 %
5) PURP / NONPURP	7	9	44 %
6) PURP?	7	18	28 %
7) PURP+	3	9	25 %
всего	24	169	12,44 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между типами 3 и 4 значима ($p=0,0224$), разница между типами 5 и 6, 7 незначима ($p=0,337$).

Таблица 3. Целевые vs не-целевые контексты в нанайском переводе Евангелия от Луки — обобщение: процент употреблений с показателем сопутствующего движения (только в типах, допускающих показатель АМ)

Table 3. Purposive vs. non-purposive contexts in the Nanai translation of the Gospel of Luke — a general picture: % of uses with the AM-suffix (only in types where the AM marker is attested)

Тип	с показателем АМ	без показателя АМ	% с показателем АМ
не-целевые: типы 3–4	7	70	9,09 %
целевые: типы 5–7	17	53	24,29 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между не-целевыми и целевыми типами значима ($p=0,0147$).

НАНАЙСКИЙ

- (30) *дэуси-мди-вэ окчи-нда-го-а-ни гэлэ-гу-э-чи*
 работать-AG-ACC лечить-AM-PURP-OBL-3SG просить-PURP-OBL-3PL
 ‘(...Послал старейшин) просить Его, чтобы **пришел исцелить**
 слугу его (...)’ [Lk_gld, Лк. 7:3]

Не-целевые контексты оформляются показателем *-нда* значительно более избирательно. В контекстах, для которых семантически центральной оказывается ситуация лексического глагола (тип 1: *пойдя сделал*), показатель *-нда* не употребляется. В не-целевых контекстах с симметрией ситуаций движения и лексического глагола он встречается, но это почти исключительно употребления в контексте снятой утвердительности, тип 4 (“nonpurp / purp”: *пойди и сделай*), ср. (31). Для этого типа контекстов частота употребления *-нда* сопоставима с частотой в целевых контекстах, см. *Таблицу 2*.

НАНАЙСКИЙ

- (31) *тургэн-ди дэрэ-чи тэ-ндэ-су*
 быстрый-ADV стол-LAT садиться-AM-IMP.PL
 ‘(...) **Пойди** скорее, **садись** за стол (...)’ [Lk_gld, Лк. 17:7]

Примеров типа 2 (“nonpurp+”, с симметрией ситуаций, но бесспорно не-целевых) не встретилось (но таких контекстов в выборке в целом довольно мало). Примеров типа 3 (“nonpurp?”) всего два. Первый, (32), более убедительный, во втором, (33), нанайский перевод не полностью соответствует стимульному предложению, учитывая это, пример можно отнести и к целевым.

НАНАЙСКИЙ

- (32) *Тэй хотон-ду би най-сал-ба алоси-нда-ми*
 тот город-DAT быть.PRS человек-PL-ACC учить-AM-CVB.SIM.SG
ЭНЭ-хэ-ни
 идти-PST-3SG
 ‘Он **пошел и проповедовал** по всему городу (...) (букв. людям, которые были в том городе)’ [Lk_gld, Лк. 8:39]

- НАНАЙСКИЙ
- (33) *Туй_тара тэй боа-ду би най-чи*
 потом тот место-DAT быть.PRS человек-LAT
дэбоу-го-и гэлэ-ндэ-хэ-ни
 работа-DEST-REFL.SG просить-AM-PST-3SG
 ‘(...) И **пошел, пристал** к одному из жителей страны той (...)’
 (букв. потом **пошел и попросил / пошел просить** себе работы
 у человека, который жил в том месте)’ [Lk_gld, Лк. 15:15]

Результаты суммируются в виде схемы (34) (ср. с (17) выше):

- (34) НЕЦЕЛЕВЫЕ ← ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ → ЦЕЛЕВЫЕ
 асимметричные (‘пойдя, сделал’) ← симметричные (‘пошел
 и сделал’) → асимметричные (‘пошел делать’)
 1) NONPURP++ — 2) NONPURP+ — 3) NONPURP? — 4) NONPURP /
 PURP — 5) PURP / NONPURP — 6) PURP? — 7) PURP+

Еще раз подчеркнем особый статус середины шкалы (типы 4 и 5), а именно употреблений с внешним контекстом снятой утвердительности, который, как было отмечено выше (*Раздел 3.1*), стирает границу между целевым и не-целевым значением. Тип 4 — основной среди не-целевых, тип 5 несколько опережает по частоте употреблений *-ndA* остальные целевые.

4. Пространственная нейтральность

Как было отмечено выше (*Раздел 1*), тунгусский показатель *-ndA* свободно употребляется и в андативных контекстах (‘туда’), см. (35), и в вентивных (‘сюда’), см. (36).

- НАНАЙСКИЙ
- (35) *Най тао-ни мэнэ хотон-чи-и мэни*
 человек каждый-3SG REFL город-LAT-REFL.SG REFL.ACC

конструкций с выраженным глаголом движения я также обращала внимание на глагол движения, употребленный в нанайском переводе (существенных расхождений с русским не обнаружено), для независимого употребления *-nda* эта возможность недоступна. Ниже приведены типы контекстов с примерами:

— вентивные (“ventive+”): в русском тексте вентивный глагол (на *при-*: *прийти* и под.):

(37) *Пришел первый и сказал: господин! мина твоя принесла десять мин.* [Лк. 19:16]

— вентивные спорные (“ventive?”): в стимульном контексте действительности нейтральный глагол, более широкий контекст скорее вентивный:

(38) *Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?* [Лк. 9:54] — ‘сошел сюда’

— андативные (“andative+”): в стимульном контексте андативный глагол (на *у-*, *по-*, без префикса: *уйти*, *пойти*, *идти* и под.):

— андативные (“andative+”): в стимульном контексте андативный глагол (на *у-*, *по-*, без префикса: *уйти*, *пойти*, *идти* и под.):

(39) *Увидев <их>, Он сказал им: пойдите, покажитесь священникам. И когда они шли, очистились.* [Лк. 9:54]

Среди этих контекстов больше неочевидных, чем среди вентивных, ср. (40):

(40) *И пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели.* [Лк. 24:24] ≈ *пошли, пришли и нашли*

и образуемые ими вентивная и андативная семантические зоны не разграничены жестко. Не всегда помогает и более широкий контекст. В качестве компромиссного решения как вентивные и андативные я размечала самые очевидные контексты, значительную часть отнеся к «спорным».

— андативные спорные (“andative?”): в стимульном контексте дейктически нейтральный глагол, более широкий контекст скорее вентивный:

(41) *И Сам отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился <...>* [Лк. 22:41]

— спорные (“???”): в стимульном контексте дейктически нейтральный глагол, по более широкому контексту не очевидно:

(42) *Когда же он говорил это, явилось облако и осенило их; и устрашились, когда вошли в облако.* [Лк. 9:34]

Результаты для нанайских текстов показаны в *Таблицах 4 и 5*. В *Таблице 4* учтены все контексты предшествующего движения (всего 193), а в *Таблице 5* из подсчетов исключены те контексты, в которых показатель *-ndA* не появляется ни разу (типа *пойдя, сделал*, см. о них выше в *Разделе 3*), итого рассмотрено 130 контекстов.

Таблица 4. Андативные и вентивные контексты в нанайском переводе Евангелия от Луки: процент употреблений с показателем сопутствующего движения

Table 4. Andative and ventive contexts in the Nanai translation of the Gospel of Luke: % of uses with the AM-suffix

	с показателем AM	без показателя AM	% с показателем AM
andative+	15	30	33,33 %
ventive+	7	60	10,45 %
???	1	47	2,08 %
andative?	0	1	0,00 %
ventive?	1	31	3,13 %
всего	24	169	12,44 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между типами “andative+” и “ventive+” значима ($p=0,0037$).

Таблица 5. Андативные и вентивные контексты в нанайском переводе Евангелия от Луки: процент употреблений с показателем сопутствующего движения (подвыборка характерных для показателя контекстов)

Table 5. Andative and ventive contexts in the Nanai translation of the Gospel of Luke: % of uses with the AM-suffix (only the contexts typical of the marker)

	с показателем АМ	без показателя АМ	% с показателем АМ
andative+	15	24	38,46 %
ventive+	7	41	14,58 %
???	1	25	3,85 %
andative?	0	1	0,00 %
ventive?	1	15	6,25 %
всего	24	106	18,46 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между типами “andative+” и “ventive+” значима ($p=0,0138$).

Данные обеих таблиц свидетельствуют о том, что показатель *-ndA*, хотя и семантически нейтрален в том смысле, что может употребляться и в вентивном, и в андативном значении, действительно тяготеет к андативному. Доля употреблений с показателем сопутствующего движения в андативных контекстах выше, чем в вентивных. Эффект менее заметен в отфильтрованной выборке примеров из *Таблицы 5*, однако статистически значим в обеих выборках.

5. Показатель АМ в переводах Евангелия от Луки на нанайский, эвенский и эвенкийский: сопоставление

В эвенском и эвенкийском переводах Евангелия от Луки показатель *-ndA* встречается в проверенных нами контекстах предшествующего движения гораздо реже, чем в нанайском переводе, см. *Таблицу 6*.

Таблица 6. Показатель АМ в Евангелии от Луки: эвенкийский, эвенкийский и нанайский переводы

Table 6. The AM-suffix in the Gospel of Luke: the Even, Evenki, and Nanai translations

	эвенкийский	эвенкийский	нанайский
Количество употреблений	5	6	24
Тип употреблений	независимое	деепричастное	независимое (11 употреблений) и деепричастное (13 употреблений)

В эвенском и в эвенкийском текстах все немногочисленные употребления — независимые (т. е. с финитным лексическим глаголом и суффиксом АМ, а не в деепричастной конструкции с глаголом движения¹¹). При этом в эвенкийском все они встретились при одном и том же глаголе *ичэ-* ‘видеть’, в эвенском — три из пяти при глаголе *ит-* ‘видеть’. В нанайском тексте независимых употреблений и употреблений в деепричастной конструкции примерно равное количество; употребления с глаголом *ичэ-* ‘видеть’ частотны (5 употреблений), но большинства не составляют. Таким образом, на этом материале можно сделать вывод о большей конвенционализации показателя *-ndA* в эвенкийском и эвенском переводах, чем в нанайском.

Контексты употребления, обнаруженные в эвенкийском и эвенском, а также их соответствия в нанайском перечислены в *Таблице 7* (полный список контекстов с указанием о наличии / отсутствии показателя *-ndA* в каждом из языков, включая нанайский, см. в *Приложении*). В (43) и (44) даны два иллюстративных примера.

- ЭВЕНКИЙСКИЙ
- (43) *Вуплеём-дулā суру-гэ̄т, ичэ-нэ̄-гэ̄т,*
 Вифлеем-ЛОС уйти-НОРТ видеть-АМ-НОРТ

¹¹ В примере (43) независимое употребление показателя АМ дополняется финитным глаголом движения в предтексте (‘пойдем, пойдем-посмотрим’), т. н. эхо-конструкция в терминологии [Pakendorf, Stoynova 2021].

Экун та-дᵛ ᵅ-чᵅ
 что тот-ДАГ статья-PST.3SG

‘⟨...⟩ **Пойдем** в Вифлеем и **посмотрим**, что там случилось
 ⟨...⟩ (букв. пойдём в Вифлеем, пойдём посмотрим)’. [Lk_evп,
 Лк. 2:15]

ЭВЕНСКИЙ

(44) Бэи-л ит-нэ-ри-тэн ха-да-вур, як-та
 человек-PL видеть-AM-PST-3PL знать-PURP-REFL.PL что-PTCL

би-чэ-вэ-н.
 быть-PTCP.PST-ACC-3SG

‘И **вышли** **видеть** происшедшее’. [Lk_eve, Лк. 8:35]

Таблица 7. Контексты употребления показателя АМ в Евангелии от Луки:
 эвенский, эвенкийский и нанайский переводы

Table 7. The contexts typical of AM-suffix in the Gospel of Luke: the Even, Evenki,
 and Nanai translations

Контекст	эвенский	эвенкийский	нанайский
<i>пойдем в Вифлеем и посмотрим</i> [2:15]	нет	да	да
<i>приходившему креститься</i> [3:7]	да	нет	да
<i>вышли видеть происшедшее</i> [8:35]	да	да	нет
<i>пришел искать плод на ней</i> [13:6]	нет	да	нет
<i>мне нужно пойти посмотреть ее (землю)</i> [14:18]	да	да	да
<i>иду испытать их (волов)</i> [14:19]	да	да	да
<i>вошли в храм помолиться</i> [18:10]	да	нет	нет
<i>сшедшийся на сие зрелище</i> [23:48]	нет	да	нет

Таблица 7 показывает, что контексты употребления *-ndA* в трех тунгусо-маньчжурских языках не вполне единообразны: всего два контекста оформлены показателем *-ndA* во всех трех языках (выделены темно-серым), три контекста оформлены им в двух языках (выделены светло-серым).

Возникает вопрос о том, отражают ли эти данные различия между самими языками или скорее между конкретными текстами. Аналогичного сопоставления ровно этих трех языковых разновидностей на материале других текстов не проводилось.

Данные по спонтанным нарративам в шести тунгусо-маньчжурских идиомах показывают, что вариативность между ними как в частотности показателя *-ndA*, так и в частотном распределении между независимым и деепричастным типами употреблений достаточно велика [Pakendorf, Stoynova 2021: 865, 867]. Это касается, в частности, и диалектов одного языка. В этом отношении данные библейских переводов не выглядят неожиданными.

Сопоставимых подсчетов по эвенкийскому языку нет. Судя по текстам из корпуса О. А. Казакевич и др., показатель сопутствующего движения в нем используется достаточно широко и не производит впечатления лексикализованного маркера, в т. ч. и в говорах, близких к литературному языку, см. пример (45).

- ЭВЕНКИЙСКИЙ (говоры Подкаменной Тунгуски)
- (45) *Čaŋit tar čaŋit-pa tarə aŋi-wāt*
 разбойник тот разбойник-ACC тот.ACC это-IMP.1PL(INCL)
čok-nā-γāt
 убивать-AM-IMP.1PL(INCL)
 ‘Давай это самое, **пойдем убьем** того медведя (≠разбойника)’.
 [Казакевич и др. 2007]

Для эвенского в [Pakendorf, Stoynova 2021] есть данные по двум говорам, далеким от литературного языка, использованного в переводе Библии, — ламунхинскому и быстринскому. Данные по двум этим говорам сильно разнятся. В быстринском частотность показателя примерно такая же, как в нанайском (23 употребления на 1 тыс. предложений), в ламунхинском — значительно ниже (12 употреблений). В тексте Евангелия его частотность еще ниже — около 4 употреблений на 1 000 предложений (5/1151). Что касается распределения между независимым и деепричастным типами употреблений, то в спонтанных текстах на быстринском говоре, как и в переводе Евангелия, деепричастная конструкция с *-ndA* практически

не используется (1 % всех употреблений), а в ламунхинском, наоборот, частотна (47 %).

Для нанайского языка я провожу последовательное сопоставление с данными спонтанных нарративов в *Разделе 6* (где в целом обсуждается специфика переводов Евангелия и надежность этих лингвистических данных). Заметных различий между ними и текстом Евангелия от Луки нет.

6. Вопрос о надежности данных переводов Нового Завета

6.1. Евангелие от Луки и спонтанные нарративы

Применительно к переводным текстам вообще и особенно к специфическому жанру переводов Библии возникает вопрос о том, дает ли такой материал адекватное представление об исследуемом языке. Этот вопрос подробно обсуждается, например, в статье [Konoshenko, this volume] о цитативных показателях в переводах Нового Завета на гвинейский и либерийский кпелле (манде). Ниже я проверяю надежность использованного в работе нанайского перевода Евангелия от Луки несколькими способами. В этом разделе я сравниваю употребление показателя АМ в Евангелии от Луки и в спонтанных нарративах. Ниже, в *Разделе 6.2* сопоставлены данные двух разных переводов — более позднего перевода Евангелия от Луки и более раннего перевода Евангелия от Матфея. Наконец, в *Разделе 6.3* я привожу количественные данные по употреблению в текстах Евангелия нехарактерной для тунгусо-маньчжурских языков конструкции с финитным сочинением (*пошел и сделал*).

Для сопоставления с данными Евангелия от Луки я взяла небольшую выборку спонтанных нарративов от носителей средне-амурского диалекта нанайского языка (того же, на который переведено Евангелие от Луки). В выборку вошли тексты из сборников фольклора [Аврорин 1986: тексты 13–24] (сказки), [Бельды, Булгакова 2012] (сказки, легенды), а также тексты, записанные в 2009–2013 гг. С. А. Оскольской,

Н. М. Стойновой, К. А. Шагал (сказки, бытовой нарратив); всего 6 673 предложений, на них приходится 168 употреблений показателя сопутствующего движения, за вычетом очевидно лексикализованных — 136. Подробнее данные этой выборки текстов (в сопоставлении с данными удэгейских текстов) обсуждаются в [Стойнова 2017].

Ниже употребления показателя сопутствующего движения в Евангелии от Луки и в выборке спонтанных нарративов сравниваются по трем параметрам: общая частотность (*Таблица 8*), количество употреблений с андативной ('туда') vs с вентивной ('сюда') интерпретацией (*Таблица 9*) и количество независимых употреблений vs употреблений в деепричастной конструкции с выраженным глаголом движения (*Таблица 10*).

Таблица 8. Показатель сопутствующего движения в Евангелии от Луки и в спонтанных нарративах: частотность

Table 8. The AM-suffix in the Gospel of Luke vs. in spontaneous narratives: frequency

	употреблений показателя АМ	предложений в выборке	употреблений на 1000 предложений
Евангелие от Луки	24	1151	20,85
спонтанные нарративы	136	6673	20,38

Обсуждая данные *Таблицы 8*, следует сделать две технические оговорки. Во-первых, для евангельского текста учтены не все встретившиеся в нем употребления показателя сопутствующего движения, а только обнаруженные в ожидаемых нами контекстах. Во-вторых, разбиение на «предложения» в Евангелии и в спонтанных нарративах, возможно, несколько различается (вряд ли значительно, но более точной была бы оценка количества употреблений на количество предикатов, технически труднодоступная для рассматриваемых текстов). В качестве «предложения» для текста Евангелия учитывался один стих, в спонтанных устных нарративах деление на предложения соответствовало примерному условному делению, предложенному

нами при расшифровке текстов / предложенному авторами опубликованных текстов.

Несмотря на приблизительность подсчетов, они показывают неожиданно точное совпадение в частотности показателя сопутствующего движения между двумя выборками. Это позволяет надеяться, что, во-первых, данные Евангелия не отличаются от данных спонтанных нарративов, несмотря на жанровое своеобразие и переводной характер, а во-вторых, что показатель сопутствующего движения употребляется в них действительно преимущественно в ожидаемых нами контекстах. Если последнее неверно, то реальная частотность показателя в переводе Евангелия выше указанной в *Таблице 8* (и выше, чем в спонтанных нарративах).

Из *Таблицы 9* видно, что соотношение андативных vs вентивных употреблений показателя сопутствующего движения в Евангелии от Луки также примерно совпадает с соотношением в спонтанных нарративах (разница статистически не значима).

Таблица 9. Показатель сопутствующего движения в Евангелии от Луки и в спонтанных нарративах: андативные (*пойти, чтобы V*) vs вентивные (*прийти, чтобы V*) употребления

Table 9. The AM-suffix in the Gospel of Luke vs. in spontaneous narratives: andative (*go to V*) vs. ventive (*come to V*) uses

	андативные	вентивные	спорные	% вентивных (от вентивных и андативных)
Евангелие от Луки	15	7	2	31,82 %
спонтанные нарративы	87	32	17	26,89 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между Евангелием от Луки и спонтанными нарративами незначима ($p=0,6134$).

Единственное заметное различие между выборками отражено в *Таблице 10*: в переводе Евангелия значимо выше процент употреблений в деепричастной конструкции ('пошел делая-ам').

Таблица 10. Показатель сопутствующего движения в Евангелии от Луки и в спонтанных нарративах: независимое vs деепричастное употребление

Table 10. The AM-suffix in the Gospel of Luke vs. in spontaneous narratives: independent vs. converbial uses

	независимое	деепричастное	% деепричастных употреблений
Евангелие от Луки	11	13	54,17 %
спонтанные нарративы	99	37	27,00 %

Примечание: по точному двустороннему критерию Фишера разница между Евангелием от Луки и спонтанными нарративами значима ($p=0,0153$).

Это можно связать с переводным характером текста: ни в русском, ни в других языках, на которые мог ориентироваться переводчик, ситуация движения не может выражаться аффиксом ('сделал-ам'). Плеонастическая деепричастная конструкция, в которой она выражена и аффиксом, и лексическим глаголом, структурно ближе к соответствующей русской конструкции (*пошел и сделал, пошел делать*). См. о еще одном типе синтаксического копирования в переводе Библии в *Разделе 6.3*.

6.2. Евангелие от Луки и Евангелие от Матфея

Для нанайского языка я сравнила данные современного перевода Евангелия от Луки с данными перевода Евангелия от Матфея кон. XIX в. (см. о переводах Библии на тунгусо-маньчжурские языки *Раздел 2*). Доля контекстов, оформленных показателем сопутствующего движения, от всех контекстов предшествующего движения показана в *Таблице 11*.

По доле употреблений показателя АМ Евангелие от Матфея уступает Евангелию от Луки не очень заметно, однако на самом деле на материале этого перевода показатель не кажется продуктивным. Все употребления в той или иной степени конвенционализированы, см. полный список в (46):

Таблица 11. Показатель сопутствующего движения
в Евангелии от Луки (2002) и в Евангелии от Матфея (1884)

Table 11. The AM-suffix in the Gospel of Luke (2002)
vs. in the Gospel of Matthew (1884)

	с показателем АМ	без показателя АМ	всего
Евангелие от Луки	24 (12,44 %)	169 (87,56 %)	193
Евангелие от Матфея	16 (8,60 %)	170 (91,40 %)	186

(46) *бачи-нда-* ‘приветствовать-ам-’, *гали-нда-* (3 употребления) ‘звать / просить-ам-’, *иче-нда-* (5 употреблений) ‘смотреть-ам-’, *исе-нды-* (5 употреблений) ‘достичь-ам-’, *тэ-нна-*¹² (2 употребления) ‘сесть-ам-’ = ‘поселиться’

Значительную часть составляют явно лексикализованные употребления с глаголом *исе-* ‘достигать, добираться’ (без существенного изменения в значении), они встречаются в тексте и за пределами выборки, они же многочисленны и в современных нанайских записях спонтанных нарративов.

Таким образом, разница между Евангелием от Матфея и Евангелием от Луки есть, но не до конца понятно, как ее объяснить. Маловероятно, что дело исключительно в особенностях переводов. Как было сказано в *Разделе 2*, они написаны на двух очень разных диалектах, а в частотности и продуктивности суффикса сопутствующего движения вполне можно ожидать диалектного варьирования (ср. обсуждение эвенских диалектов в *Разделе 5*).

6.3. Финитная стратегия сочинения в Новом Завете

Есть еще одна точка, не связанная непосредственно с употреблениями показателя сопутствующего движения, в которой можно оценить степень надежности данных переводов Евангелия. Как

¹² Возможно, в данном случае это не показатель сопутствующего движения, а другой (непродуктивный) показатель.

было сказано выше, в нанайских переводах Евангелия часть контекстов предшествующего движения, не охваченных показателем сопутствующего движения, оформляется глаголом движения в нефинитной (деепричастной или причастной) форме и финитным лексическим глаголом (*придя сделал*), часть — сочетанием двух финитных глаголов (*пришел, потом сделал*). Последнее в целом для нанайского языка, тяготеющего к алтайской стратегии сочинения (нефинитная форма + финитная), нехарактерно. Если таких бифинитных конструкций в тексте много и они появляются в тех же позициях, в которых аналогичная конструкция употреблена в русском тексте, то можно подозревать копирование русской синтаксической модели (для русского языка финитная стратегия сочинения, наоборот, основная).

В *Таблице 12* приведены данные по нанайским переводам Евангелия от Луки и Евангелия от Матфея: для всех нанайских употреблений с нефинитной vs финитной конструкцией указано, какой конструкции они соответствуют в русском переводе.

Таблица 12. Финитное сочинение в конструкциях с предшествующим движением: нанайский перевод Евангелия от Луки и Евангелия от Матфея
Table 12. The finite coordination strategy in constructions denoting prior motion: the Gospels of Luke and Matthew in Nanai

Евангелие от Луки (2002)			
	нан.: fin fin	нан.: dep fin	% fin fin
русск.: fin fin	33	41	44,59 %
русск.: dep fin	0	52	0,00 %
% fin fin от суммы	нан.: 26,19 % fin fin, русск.: 58,73 % fin fin		
Евангелие от Матфея (1884)			
	нан.: fin fin	нан.: dep fin	% fin fin
русск.: fin fin	60	29	67,42 %
русск.: dep fin	0	58	0,00 %
% fin fin от суммы	нан.: 40,82 % fin fin, русск.: 60,54 % fin fin		

Общая доля контекстов, оформляемых финитными формами, от всех этих контекстов (контекстов потенциальной конкуренции финитной и нефинитной стратегий) для русского языка (с финитной стратегией сочинения) составляет для обоих Евангелий ок. 60 %. В обоих нанайских переводах она ожидаемо ниже, однако достаточно велика, причем в Евангелии от Матфея (ранний перевод) выше, чем в Евангелии от Луки (поздний перевод). В обоих Евангелиях все контексты, оформленные в русском переводе сочетанием нефинитной формы (или зависимой клаузы с подчинительным союзом) с финитной, так же оформлены в нанайском переводе. Из контекстов, которые в русском переводе оформлены сочинением финитных клауз, в нанайском переводе Евангелия от Луки так же оформлено чуть меньше половины контекстов, а в переводе Евангелия от Матфея — почти 70 % контекстов.

Таким образом, в переводах Нового Завета на нанайский язык действительно можно подозревать синтаксические кальки с русского. При этом они более характерны для перевода XIX в. (Евангелие от Матфея), чем для использованного в работе в качестве основного источника данных современного перевода (Евангелие от Луки).

7. О возможностях типологического исследования категории сопутствующего движения и других значений грамматической периферии на материале параллельных текстов Библии

Выше для исследования двух частных проблем, связанных с категорией сопутствующего движения в конкретной группе языков, был использован метод, принятый в целом в настоящем сборнике, а именно от значения к форме (top-down, или ономаσιологический, см. [Плунгян, наст. сб.; Филатов, наст. сб.]). Из текстов Нового Завета были заранее выбраны контексты, которые предположительно могут обслуживаться интересующими нас показателями, и на материале конкретных языков анализировались именно эти контексты. Для

такого исследования этот метод оказался вполне удобен. Выборку контекстов, подготовленную для анализа тунгусо-маньчжурского показателя *-ndA*, можно (видимо, в редуцированном виде) использовать и шире — для других языков, в которых возникают вопросы о разграничении целевых и не-целевых показателей предшествующего движения и/или вентивных / андативных показателей сопутствующего движения. Первый вопрос интересен для многих языков с категорией сопутствующего движения: показатели предшествующего движения есть во всех таких системах (см. типологическую иерархию [Levinson, Wilkins 2006]), и, как правило, неизвестно, какую конкретно зону они покрывают, насколько для них релевантна симметрия / асимметрия между ситуацией движения и ситуацией лексического глагола. Второй вопрос (о пространственной нейтральности) — очень специфический и касается лишь отдельных экзотических языков.

Если говорить о более широком типологическом исследовании на материале текстов Библии, предметом которого был бы весь набор параметров межъязыкового варьирования в зоне сопутствующего движения, то подход от значения к форме представляется не очень удачным. То же можно сказать обо всех значениях «грамматической периферии» — таких, которые в части языков получают грамматическое (прежде всего морфологическое) выражение, но достаточно часто передаются лексическими средствами. Если включать в выборку на равных основаниях и лексические, и грамматические средства, предмет такого исследования становится слишком размыт. Не очевидно (и скорее сомнительно), что лексические и грамматические средства обладают достаточным для этого набором общих свойств. Если ограничить исследование системами, где интересующая нас категория относится к области грамматики, то мы сталкиваемся с проблемой отбора контекстов, который происходит на материале языков с лексическими средствами (в данном случае — глаголами движения): русского / английского / испанского / французского / древнегреческого / латинского. Однако для языка с продуктивными морфологическими показателями сопутствующего движения или другой подобной категории эти показатели могут встретиться и за пределами таких контекстов — в менее предсказуемых местах. И наоборот,

в отобранных нами контекстах могут встретиться не ожидаемые морфологические, а лексические средства (которые обычно имеются и в языках со специализированными морфологическими показателями). Заранее подобрать контексты так, чтобы именно в них встретились ожидаемые морфологические показатели, причем в разных языках, задача совсем не тривиальная.

В работе [Wälchli 2006] на материале параллельных текстов Библии делается важное утверждение об одном из значений грамматической периферии — рефактивном ('опять', 'обратно'). Лексические показатели типа русского *опять* склонны употребляться в разных языках в одних и тех же контекстах, и они оформляют не все ситуации повтора, а только «эмфатические», те, которые говорящие считают нужным подчеркнуть (так, в предложении *Я проснулся* наречия *опять* не будет, хотя говорящий проснулся не впервые в жизни). Продуктивные морфологические показатели распределены по контекстам значительно более хаотично¹³. В частности, они склонны употребляться в тех случаях, когда повторение имеет место, но не нуждается в дополнительной экспликации и лексическими маркерами не оформляется.

Скорее всего, похожим образом дело обстоит и с морфологическими показателями сопутствующего движения, особенно в тех языках, где они достаточно продуктивны и частотны. Для рассмотренных тунгусо-маньчжурских языков я не проверяла, какая часть употреблений суффикса *-ndA* осталась в текстах Евангелия за пределами рассмотрения. Судя по наблюдениям, сделанным на материале спонтанных нарративов, и учитывая, что этот суффикс склонен оформлять целевые контексты, где компонент движения семантически центральный, вряд ли она велика (в контекстах типа *пошел, чтобы сделать* глагол движения в стимульных контекстах на языке без категории сопутствующего движения не может не появиться, т. е. такой контекст при составлении выборки пропущен не будет). Не вошли в рассмотрение, видимо, прежде всего лексикализованные и переносные

¹³ Б. Вэльхли говорит не о лексических и морфологических показателях, а о «тяжелых» и «легких», но в первом приближении эти классы совпадают.

употребления, ср. пример на проспективное употребление из нанайского языка (47), см. также упоминание лексикализованных употреблений с глаголом *ese-* ‘достигать’ в *Разделе 6.2*.

- НАНАЙСКИЙ
 (47) *tugdə tugdə-ndə-j-ni*
 дождь идти_о_дожде-AM-PRS-3SG
 ‘Дождь собирается’.

Однако для языков с более типичными системами показателей сопутствующего движения можно ожидать иной картины. Чтобы составить общее представление об их употреблении в переводах Библии, я взяла материал языка кавиненья (таканские), «образцового» языка Амазонии с богатой системой сопутствующего движения, наиболее подробно описанного в работах А. Гийома (см. [Guillaume 2006, 2008: 212–236, 2009] и др.). Для языка кавиненья существует перевод всего Нового Завета. Я посмотрела в этом переводе на употребление одной частотной формы с показателем сопутствующего движения — *aticuare* ‘пошел и сказал’. Она содержит один из суффиксов сопутствующего движения *-ti* — ‘предшествующее движение, не-дистрибутивная ситуация, движение от дейктического центра, движение субъекта лексического глагола’. Как и ожидалось, эта форма встретилась не только в тех контекстах, где в стимульном предложении есть глагол движения (48), но и в таких, где эксплицитного указания на движение в стимульном предложении нет (хотя из общих соображений можно предполагать, что движение действительно совершалось) (49).

- КАВИНЕНЬЯ
 (48) *jadya tu-na-ja-tu a-ti-cuare*
 so 3-PL-DAT-3 говорить-AM-REM.PST

‘И пришли к Иоанну и сказали ему: ⟨равви! Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот Он крестит, и все идут к Нему⟩’. [NewTest_cav, Ин. 3:26]

- КАВИНЕНЬЯ
 (49) *sueja-ti-cuare “⟨...⟩” jadya tu-ja-tu a-ti-cuare*
 рассказывать-AM-REM.PST так 3-DAT-3 говорить-AM-REM.PST

‘(Когда же корабельщики хотели бежать с корабля и спускали на море лодку, делая вид, будто хотят бросить якоря с носа, Павел) **сказал** (букв.: ‘пошел и рассказал) (сотнику и воинам: если они не останутся на корабле, то вы не можете спастись)’. [NewTest_cav, Деян.: 27:31]

В контексте (49), вероятно, действительно имеется в виду, что, прежде чем что-то сказать сотнику и воинам, Павел должен был к ним приблизиться, однако это не «эмфатический» в терминах Б. Вельхли контекст: специальными лексическими средствами эта идея, как видно из приведенного русского (и опорного для кавиненья испанского) перевода, не выражается.

Всего в тексте Нового Завета 67 употреблений формы *aticuare* ‘пошел и сказал’ (см. список в *Приложении*). Из них для 32 употреблений (47,76 %) в стимульном контексте присутствует глагол движения; для 8 употреблений в стимульном контексте есть глаголы типа *pozvatz* или *poslatz*, для 26 употреблений эксплицитного указания на предшествующее ситуации движение нет¹⁴. Таким образом, при

¹⁴ Стоит, впрочем, отметить, что перевод на кавиненья достаточно вольный. Ср., например, стих [Ин. 12:22]: в нем несколько раз повторяется и глагол движения, и глаголы ‘говорить’, оформленные и не оформленные показателем АМ. В частности, ситуация ‘Они с Андреем идут к Иисусу’, не выраженная в стимульном предложении вовсе, в переводе на кавиненья выражается не только аффиксом сопутствующего движения, но еще и целым дополнительным предложением:

- (i) *Jadya a-hua-ju-tu Felipe cua-cuare Andrés queja.*
 так говорить-PERF-DS-3 Филипп идти-REM.PST Андрей рядом
Griego cuana patu Jesús tsehue quisarati-cara
 греческий UNCERT ? Иисус с разговаривать-DESID
ju-ya, jadya tu-ja-tu Andrés a-ti-cuare.
 говорить-IPFV так 3-DAT-3 Андрей говорить-AM-REM.PST
Tuequedy a ta-tse cua-cuare Andrés tsehue Jesús
 тогда 3.DU-ABS идти-REM.PST Андрей с Иисус
queja. Griego cuana patu mia-tsehue quisarati-cara
 рядом греческий UNCERT ? 2SG-ASS разговаривать-DESID

подходе «от значения к форме» мы бы в данном случае пропустили более половины употреблений суффикса сопутствующего движения.

Похожие наблюдения приводятся в [Панова, наст. сб.] для еще одного значения грамматической периферии — континуативного (‘все еще’). В работе показатели континуатива в представительной выборке языков специально сравниваются по тому, насколько для них характерно употребление в отобранных на семантических основаниях континуативных контекстах *vs* за их пределами. Результат оказывается разным для разных языков, для нескольких языков выборки «континуативный» показатель не встретился в выборке континуативных контекстов ни разу.

Исходя из этого, более перспективным для широкого типологического исследования значений грамматической периферии на материале параллельных текстов, в том числе и для исследования категории сопутствующего движения, кажется подход от формы к значению (*bottom-up*, или семасиологический), принятый в упомянутой работе Б. Вэльхли [Wälchli 2006], а также в некоторых других его работах на материале параллельных текстов Библии, начиная с [Wälchli 2005] (ср. [Wälchli 2016; Dahl, Wälchli 2016], в особенности методологически ориентированную работу [Wälchli, Sölling 2013] и др.). При таком подходе берутся все употребления интересующих исследователя показателей (лексем, конструкций и т. п.) и для каждого языка выборки в параллельных текстах находятся все его употребления. Далее на основании этих данных выявляются различные типы контекстов: универсальные для всех исследуемых показателей, более маргинальные, характерные для определенного типа показателей и т. п.

Отдельную, техническую и более очевидную, проблему для типологического исследования показателей сопутствующего движения на материале библейских текстов составляет тот факт, что системы морфологических показателей такого рода — не самое частое

ju-ya, jadya ta-tse-ja-tu Jesús a-ti-cuare.
 говорить-IPFV так 3-DU-DAT-3 Иисус говорить-AM-REM.PST

‘Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп называют о том Иисусу’. [NewTest_cav, Ин. 12:22]

явление в языках мира и те языки, для которых они особенно характерны, не очень активно вовлечены в процесс перевода Библии. Наиболее очевидная лагуна — языки Австралии с их наиболее богатыми и разнообразными системами сопутствующего движения.

8. Выводы и обсуждение результатов

Проведенное на материале текстов Нового Завета исследование категории сопутствующего движения позволяет сделать обобщения трех типов:

- 1) методологические: о надежности параллельных переводов Нового Завета как источника лингвистических данных, о возможности их применения для исследования категории АМ и других категорий грамматической периферии;
- 2) дескриптивные: о показателях сопутствующего движения в тунгусо-маньчжурских языках;
- 3) теоретические: о категории сопутствующего движения в целом.

1) Параллельные тексты Нового Завета как источник данных для типологического исследования значений грамматической периферии. Данные по употреблению показателей АМ в переводах Евангелия от Луки на тунгусо-маньчжурские языки позволяют говорить о достаточной надежности этого лингвистического материала. Так, вариативность между переводами на эвенкийский, эвенский и нанайский в целом укладывается в ожидания. Данные нанайского перевода по частотным характеристикам схожи с аналогичными данными спонтанных нарративов. Разницу между двумя нанайскими Евангелиями (Евангелие от Матфея кон. XIX в. и Евангелие от Луки нач. XXI в.) естественнее объяснить диалектными различиями, чем индивидуальными особенностями переводов. При этом есть и свидетельства характерного для переводных текстов копирования морфосинтаксических моделей (в данном случае русских),

ср. повышенную частотность деепричастной конструкции АМ с выраженным глаголом движения и финитной сочинительной конструкции.

Размеченная для описания тунгусского показателя АМ выборка контекстов предшествующего движения может быть использована шире на материале других языков с грамматическими показателями сопутствующего движения для исследования вопроса о статусе показателей движения с целью и о параметре «симметрии vs асимметрии ситуаций» (см. ниже). На материале этой выборки для каждого из таких языков можно ответить на тот же вопрос, что и для тунгусо-маньчжурских: какая именно часть контекстов (целевые, не-целевые, промежуточные, оба типа контекстов) покрывается соответствующим показателем АМ.

При этом подход «от значения к форме» (top-down), который был применен в статье для исследования нескольких частных вопросов в конкретной группе языков, не кажется удобным для более широкого типологического исследования категории сопутствующего движения на материале параллельных текстов Библии. Главная проблема заключается в том, что сложно заранее определить круг контекстов, в котором с достаточной надежностью встретится грамматический показатель сопутствующего движения. Как минимум, круг таких контекстов не тождествен кругу контекстов, в котором употребляется глагол движения в языках без грамматических маркеров АМ. Эта же проблема, видимо, в той или иной мере касается всех показателей «грамматической периферии» — таких, которые в отдельных языках обслуживаются грамматическими средствами, но в большинстве языков — лексическими. Более подходящим кажется подход «от формы к значению» (bottom-up), при котором в каждом из параллельных переводов сначала находятся все употребления, а потом на этом основании делаются обобщения о характерном для того или иного типа показателей набора контекстов (такая методика на материале текстов Библии применялась Б. Вельхли).

2) Показатели сопутствующего движения в тунгусо-маньчжурских языках: пространственная нейтральность, узкое целевое

значение. На материале параллельных текстов Нового Завета были проверены два ранее сделанных наблюдения о показателе *-ndA* в тунгусо-маньчжурских языках. Первое — о пространственной нейтральности показателя. Данные параллельных текстов показывают, что действительно один и тот же показатель используется в разных типах пространственных контекстов, т. е. как в андативных ('пойти'), так и в вентивных ('прийти'). При этом частотность андативных употреблений (доля всех андативных контекстов, покрываемая показателем АМ) оказывается выше, чем частотность вентивных. Второе наблюдение — об узком целевом значении показателя *-ndA*. Данные переводов показывают, что показатель *-ndA* употребляется как в контекстах движения с целью ('пошел делать'), так и в не-целевых контекстах предшествующего движения ('пошел и сделал'). При этом контексты с очевидной семантической асимметрией типа 'пойдя, сделал' им не выражаются. Выделенной оказывается область значений, промежуточных между целевыми и не-целевыми типа 'пойди сделай \approx пойди делать': из контекстов, условно отнесенных к не-целевым, *-ndA* встречается почти исключительно в промежуточных.

Приведенный в статье анализ тунгусского показателя *-ndA* носит предварительный характер и может быть продолжен в следующих направлениях. Во-первых, он касался только двух указанных параметров: пространственной ориентации и целевого vs не-целевого значения показателя. Подсчитывая количество контекстов, оформленных vs не оформленных показателем *-ndA*, я не учитывала другие факторы. Среди них можно назвать, например, синтаксическую сложность конструкции, в частности наличие / отсутствие собственных зависимых у ситуации движения и ситуации лексического глагола (о возможностях выражения аргументов обоих типов при глаголе с показателем *-ndA* см. [Pakendorf, Stoynova 2021]). Более того, два проанализированных фактора рассматривались отдельно, не ставился вопрос об их взаимодействии. Еще одно очевидное ограничение проведенного исследования состоит в том, что употребления суффикса *-ndA* были проанализированы только на множестве заранее отобранных контекстов предшествующего движения. Интересно

было бы включить также и те его употребления, которые остались за рамками нашей выборки.

3) *Категория сопутствующего движения: пространственно-нейтральные системы; движение с целью; симметрия ситуаций как параметр типологического варьирования.* Результаты анализа тунгусского показателя *-nda* на материале текстов Нового Завета позволяют сформулировать более общие вопросы о категории сопутствующего движения. Первый релевантный вопрос — об экстремально малых системах АМ. Исследование этой категории началось с описания богатых систем, таких как австралийские и амазонские. Расширяя понятие «сопутствующего движения» на другие ареалы, мы сталкиваемся в том числе и с системами из одного-двух показателей, как в тунгусо-маньчжурских языках. Интересно, что более характерно для бедных систем АМ — нейтрализация семантических противопоставлений (универсальный многозначный показатель) или специализация (одно из значений выражается специализированным грамматическим показателем, остальные лексически). В области пространственных значений тунгусский показатель как будто бы относится к первому типу: оформляет и андативные контексты ‘пойти’, и вентивные контексты ‘прийти’. Такая ситуация кажется типологически редкой. При этом важно, что даже в этом случае между андативными и вентивными употреблениями полной симметрии все же не наблюдается: они различаются на уровне частотности.

Еще один более общий вопрос — о движении с целью как отдельной категории vs подтипе внутри категории АМ. Рассмотренные тунгусские данные свидетельствуют о достаточной близости этих значений: суффикс *-nda* покрывает обе семантические области, и особенно показателен тот факт, что для него наиболее характерны контексты, промежуточные между целевыми и не-целевыми. Тем не менее, если движение с целью и примыкает к более общей зоне сопутствующего движения, в качестве отдельного типологически релевантного значения внутри этой зоны его рассматривать явно имеет смысл.

Ключевым для противопоставления целевого vs не-целевого значений предшествующего движения кажется обсуждавшийся в работе

параметр симметрии vs асимметрии ситуаций движения и лексического глагола. В дальнейшем было бы интересно рассмотреть его подробнее на более широком материале. В связи с ним возникают следующие вопросы. Является ли типологически релевантным противопоставление между симметричным значением ‘пошел и сделал’ и асимметричным с выделенной ситуацией лексического глагола ‘пойдя, сделал’ (заметим, что именно этот тип контекстов не обслуживается тунгусским показателем)? Возможны ли системы с тройным противопоставлением: ‘пойдя сделал’ (асимметрия, центральная ситуация лексического глагола) vs ‘пошел и сделал’ (симметрия) vs ‘пошел, чтобы сделать’ (асимметрия, центральная ситуация движения)? Вспомним также, что целевое значение ‘пошел, чтобы сделать’ отличается от ‘пошел и сделал’ не только по параметру симметрии. Более точной парой к ‘пошел и сделал’ было бы логически возможное, хотя и прагматически более маргинальное, значение типа ‘пошел, сделав после’ (центральная ситуация движения, обе ситуации охарактеризованы по истинности/реальны). Интересно, встречаются ли показатели, способные выражать именно это значение, а не целевое, или системы, где отдельными показателями выражаются оба значения. Наконец, отдельный вопрос — как параметр симметрии vs асимметрии ситуаций движения и лексического глагола реализуется за пределами зоны предшествующего движения, т. е. в системе показателей одновременного и последующего движения. Из общих соображений можно предположить, что в более редуцированном виде, но это тоже требует проверки. Все эти вопросы можно было бы, в частности, исследовать, используя предложенную в статье выборку контекстов сопутствующего движения из текстов Нового Завета.

Приложение

Составленные для исследования выборки контекстов из Нового Завета (глава:стих).

1. Выборка контекстов предшествующего движения в Евангелии от Луки (193 контекста)

1:17; 1:17; 1:28; 1:40; 1:59; 1:68; 1:76; 1:77; 1:79; **2:3**; 2:5; **!2:15**;
2:16; 2:38; 2:41; 2:42; 2:44; 2:51; **3:7!**; 3:12; 3:12; 4:16; 4:16; 4:30; 4:31;
4:34; 4:38; 4:39; 4:41; 4:42; 4:42; 5:1; 5:2; 5:3; **5:7**; 5:7; 5:12; 5:14;
5:15; 5:16; 5:19; 5:27; 5:32; 6:4; 6:6; 6:12; 6:12; 6:17; 6:18; 6:47; **7:3**;
7:4; 7:10; 7:14; 7:20; 7:22; **7:24**; **7:25**; **7:26**; 7:34; 7:36; 8:5; 8:12; 8:22;
8:24; 8:33; 8:33; 8:34; 18:35!; 8:37; **8:39**; 8:39; 8:41; 8:44; 8:47; 8:49;
8:51; 9:4; 9:6; 9:10; **9:12**; **9:12**; **9:13**; 9:28; 9:34; 9:34; 9:52; 9:52; 9:54;
9:59; 9:60; 10:5; 10:10; 10:17; 10:30; 10:31; 10:32; 10:34; 10:35; 10:37;
10:40; 11:5; 11:24; 11:25; 11:26; 11:31; 11:37; 12:36; 12:37; 12:38; 12:46;
12:49; 12:51; 12:58; 13:1; 13:6; !13:6; 13:7; 13:7; **13:14**; 13:29; 13:31;
13:31; 13:32; 14:1; 14:10; 14:10; **!14:18!**; **!14:19!**; 14:21; 14:21; 14:23;
15:1; 15:6; 15:13; **15:15**; 15:18; 15:20; 15:25; 15:28; 16:21; **17:7**; 17:14;
17:18; **17:31**; 18:3; 18:5; 18:8; 18:10!; 18:22; 19:1; 19:4; 19:4; 19:6;
19:10; 19:12; 19:16; 19:18; 19:20; 19:23; 19:30; 19:32; 19:41; 19:45;
20:14; 20:16; 20:27; **21:38**; 22:4; **22:8**; 22:13; 22:33; 22:39; 22:40; 22:41;
22:43; 22:45; **22:47**; 22:52; 22:62; 23:33; 23:36; 23:42; !23:48; 23:52;
23:55; 23:56; 24:9; 24:12; 24:23; 24:24; 24:29; 24:33.

* полужирный — оформлено суффиксом АМ в нанайском, !
слева — в эвенкийском, ! справа — в эвенском

2. Выборка контекстов предшествующего движения в Евангелии от Матфея (186 контекстов)

1:12; 2:2; 2:8; 2:8; 2:9; 2:11; 2:13; 2:15; **2:23**; 3:1; 3:6; 3:7; 3:13; 3:16;
4:3; 4:11; 4:13; 5:17; 5:17; 5:24; 6:6; 8:2; 8:4; 8:5; 8:7; 8:11; 8:14; 8:21;
8:22; 8:25; 8:29; 8:32; 8:33; 8:34; **9:1**; 9:10; 9:13; 9:14; 9:18; 9:18; 9:20;
9:23; 9:25; 9:31; 10:12; 10:14; 10:34; 10:34; 10:35; 11:1; 11:4; **11:7**; **11:8**;
11:9; 11:18; 11:19; 12:4; 12:9; 12:42; 12:43; 12:44; 12:45; 12:45; 13:1;
13:2; 13:3; 13:4; 13:28; 13:44; 13:46; 13:54; 14:14; 14:15; 14:22; 14:23;
14:29; 14:29; 14:33; 15:1; 15:8; 15:17; 15:17; 15:21; 15:22; 15:23; 15:25;

15:29; 15:29; 15:39; 16:1; 16:5; 16:13; 16:21; 16:27; 17:11; 17:14; 17:19; 18:1; 18:11; 18:15; 18:21; 18:28; 18:30; 18:31; 19:1; 19:3; 19:16; 19:21; **20:1**; 20:5; 20:9; 20:10; 20:17; 20:28; 21:2; 21:6; 21:12; 21:17; 21:19; 21:23; 21:23; 21:38; 21:40; 22:9; 22:10; **22:11**; 22:15; 22:23; 24:1; 24:1; 24:3; 24:5; 24:17; 24:39; 24:46; 24:51; 25:9; 25:10; 25:16; 25:19; 25:20; 25:22; 25:24; 25:25; 25:31; 26:17; 26:18; 26:36; 26:36; 26:39; 26:40; 26:42; 26:43; 26:44; 26:45; 26:49; 26:50; 26:50; 26:55; 26:58; 26:61; 26:69; 26:73; 26:75; 27:5; 27:33; 27:48; 27:53; 27:58; 27:65; 27:66; **28:1**; 28:2; 28:6; 28:7; 28:8; 28:8; 28:9; 28:9; 28:10; 28:10; 28:11; 28:13; 28:17; 28:18; 28:19.

* полужирный — оформлено суффиксом AM в нанайском

3. Выборка контекстов из Нового Завета с формой *aticuare* ‘пошел и сказал’ в кавиненья

1:28; 2:3; 2:10; 2:12; **3:26**; 3:32; **4:40**; 4:42; **4:47**; **5:15**; 6:36; **7:20**; 7:26; 7:40; 8:20; **8:32**; 8:33; **8:34**; 9:2; **9:12**; **9:38**; **10:2**; **10:35**; **10:40**; **10:49**; **11:28**; **11:32**; **12:14**; **12:14**; 12:22; 12:47; **13:27**; 14:12; **14:15**; **15:15**; 15:18; **15:22**; **15:28**; **15:43**; **16:22**; 16:36; **16:39**; 17:16; **18:13**; **18:16**; 18:18; **18:29**; **19:3**; **19:16**; **19:16**; **19:18**; 19:21; **19:31**; 19:38; **20:2**; 20:22; **22:13**; **22:16**; 22:17; **22:26**; 23:15; **23:52**; **26:17**; 27:4; 27:31; **27:58**; 27:64.

* полужирный — в левом контексте эксплицитное указание на движение.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; AG — имя деятеля; AM — сопутствующее движение; ASS — ассоциатив; DESID — дезидератив; DU — двойственное число; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEST — дестинатив; EMPH — эмфаза; EXPR — экспрессивное прошедшее; GORT — гортатив; IDEOPH — идеофон; IMP — императив; INCL — инклюзив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NSIM — одновременность; OPT — оптатив; OBL — косвенный падеж; PL — множественное

число; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; PURP — целевая форма; REFL — рефлексив; REM — давно-прошедшее; REP — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Литература

- Волков, Стенин 2019 — О. С. Волков, И. А. Стенин. Андатив и вентив в языках Сибири: к типологии глагольной ориентации // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Т. 15. Ч. 1. С. 289–319. DOI: 10.30842/alp2306573715114.
- Котвич 1909 — Вл. Котвич. Материалы для изучения тунгусских наречий // Живая Старина. 1909. Вып. II–III. С. 206–218.
- Падучева 2015 — Е. В. Падучева. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics. 2015. Вып. 39. С. 129–162. DOI: 10.1007/s11185-015-9145-6.
- Панова, настоящий сборник — А. Б. Панова. Континуативные контексты в Евангелии от Луки // Настоящий сборник.
- Петров 2013 — А. А. Петров. Православие и коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: история и современность в этнолингвистическом аспекте // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2013. Вып. 24. № 4. URL: <http://www.hcpncr.com/journ2413/journ2413petrov.html> (дата обращения: 12.12.2023).
- Плунгян, настоящий сборник — В. А. Плунгян. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус (предисловие) // Настоящий сборник.
- Сем 1976 — Л. И. Сем. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурйский) диалект. Л.: Наука, 1976.
- Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс *-nda* в нанайском языке // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 86–111. DOI: 10.31857/S0373658X0001051-5.
- Стойнова 2017 — Н. М. Стойнова. Показатели движения с целью в южнотунгусских языках и категория associated motion // Е. М. Девяткина (ред.). Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (16–17 февраля 2017 г.). М.: Институт языкознания РАН; Канцлер, 2017. С. 321–339.
- Филатов, настоящий сборник — К. В. Филатов. Цель перемещения в Евангелии от Луки: к усовершенствованию процедуры выделения прототипических контекстов // Настоящий сборник.

- Alonso de la Fuente, Jacques 2018 — J. A. Alonso de la Fuente, G. Jacques. Associated motion in Manchu in typological perspective // *Language and Linguistics*. 2018. Vol. 19. № 4. P. 501–524. DOI: 10.1075/lali.00018.alo.
- Belkadi 2015 — A. Belkadi. Associated motion with deictic directionals: A comparative overview // *SOAS Working Papers in Linguistics*. 2015. Vol. 17. P. 49–76.
- Belkadi 2021 — A. Belkadi. Deictic directionality as associated motion: Motion, complex events and event integration in African languages // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 163–200. DOI: 10.1515/9783110692099-005.
- Benzing 1955 — J. Benzing. *Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik* (Akademie der Wissenschaften und Der Literatur. Abhandlungen der Geistes- Und Sozialwissenschaftlichen Klasse). Vol. 11. Wiesbaden: Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz in Kommission bei Franz Steiner Verlag, 1955.
- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives // *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. № 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Giannakidou 2009 — A. Giannakidou. The dependency of the subjunctive revisited: temporal semantics and polarity // *Lingua*. 2009. Vol. 120. P. 1883–1908. DOI: 10.1016/j.lingua.2008.11.007.
- Giannakidou, Mari 2021 — A. Giannakidou, A. Mari. *Truth and Veridicality in Grammar and Thought. Mood, Modality, and Propositional Attitudes*. Chicago: University of Chicago Press, 2021. DOI: 10.7208/9780226763484.
- Guillaume 2006 — A. Guillaume. La catégorie du ‘mouvement associé’ en cavineña : apport à une typologie du codage du mouvement et de la trajectoire // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 2006. Vol. 101. № 2. P. 415–436. DOI: 10.2143/BSL.101.1.2019831.
- Guillaume 2008 — A. Guillaume. *A grammar of Cavineña*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. DOI: 10.1515/9783110211771.
- Guillaume 2009 — A. Guillaume. Les suffixes verbaux de mouvement associé en Cavineña // *Faits de langues*. 2009. Les cahiers 1. P. 181–204.
- Guillaume 2016 — A. Guillaume. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives // *Linguistic Typology*. 2016. Vol. 20. № 1. P. 81–177. DOI: 10.1515/lingty-2016-0003.
- Guillaume, Koch 2021 — A. Guillaume, H. Koch. Introduction: associated motion as a grammatical category in linguistic typology // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 3–30. DOI: 10.1515/9783110692099-001.
- Guillaume, Koch (eds.) 2021 — A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. DOI: 10.1515/9783110692099.

- Jacques 2013 — G. Jacques. Harmonization and disharmonization of affix ordering and basic word order // *Linguistic Typology*. 2013. Vol. 17. № 2. P. 187–215. DOI: 10.1515/lity-2013-0009.
- Jacques et al. 2021 — G. Jacques, A. Lahaussais, Sh. Zhang. Associated motion in Sino-Tibetan, with a focus on Gyalrongic and Kiranti // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 819–854. DOI: 10.1515/9783110692099-021.
- Koch 1984 — H. Koch. The category of “associated motion” in Kaytej // *Languages in Central Australia*. 1984. № 1. P. 23–34.
- Koch 2017 — H. Koch. Associated motion in Arandic and other Australian languages revisited // Talk delivered at ALT-2017, Canberra, 2017.
- Koch 2021 — H. Koch. Associated motion in the Pama-Nyungan languages of Australia // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 231–324. DOI: 10.1515/9783110692099-007.
- Konoshenko, this volume — M. Konoshenko. Quotatives in Guinean and Liberian Kpelle: a study of parallel Bible corpora and non-biblical texts // This volume.
- Levinson, Wilkins 2006 — S. Levinson, D. Wilkins. Patterns in the data: Toward a semantic typology of spatial description // S. Levinson, D. Wilkins (eds.). *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 512–552. DOI: 10.1017/CBO9780511486753.015.
- Lovestrand, Ross 2021 — J. Lovestrand, D. Ross. Serial verb constructions and motion semantics // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 87–128. DOI: 10.1515/9783110692099-003.
- Pakendorf, Stoyanova 2021 — B. Pakendorf, N. Stoyanova. Associated motion in Tungusic languages: a case of mixed argument structure // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 855–897. DOI: 10.1515/9783110692099-022.
- Rose 2015 — F. Rose. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations // *Folia Linguistica*. 2015. Vol. 49. № 1. P. 117–158. DOI: 10.1515/flin-2015-0004.
- Ross 2021 — D. Ross. A cross-linguistic survey of Associated Motion and Directionals // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 31–86. DOI: 10.1515/9783110692099-002.
- Taboada, Trnavac 2014 — M. Taboada, R. Trnavac. Introduction. Nonveridicality and evaluation across disciplinary boundaries // M. Taboada, R. Trnavac (eds.). *Nonveridicality and evaluation. Theoretical, computational and corpus approaches*. Leiden: Brill, 2014. P. 1–14. DOI: 10.1163/9789004258174_002.
- Voisin 2013 — S. Voisin. Expressions de trajectoire dans quelques langues atlantiques (groupe Nord) // *Faits de Langues*. 2013. Vol. 42. № 1. P. 131–152. DOI: 10.1163/19589514-042-01-900000008.

- Voisin 2021 — S. Voisin. Associated motion and deictic directional in Atlantic languages // A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 611–664. DOI: 10.1515/9783110692099-016.
- Vuillermet 2012 — M. Vuillermet. Une typologie en cheminement: Contribution de l'ese eja à l'étude du mouvement associé // *Revue de linguistique et didactique des langues* (Numéro thématique “Typologie et description linguistiques”). 2012. Vol. 46. P. 79–100. DOI: 10.4000/lidil.3244.
- Wälchli 2005 — B. Wälchli. *Co-Compounds and Natural Coordination*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy ‘again’, or the eternal return of the same // *Studies in Language*. 2006. Vol. 30. № 1. P. 69–113. DOI: 10.1075/sl.30.1.04wal.
- Wälchli 2016 — B. Wälchli. Non-specific, specific and obscured perception verbs in Baltic languages // *Baltic Linguistics*. 2016. № 7. 2016. P. 53–135. DOI: 10.32798/bl.384.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs // *Linguistics*. 2012. Vol. 50. № 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Wälchli, Sölling 2013 — B. Wälchli, A. Sölling. The encoding of motion events: Building typology bottom-up from text data in many languages // J. Goschler, A. Stefanowitsch (eds.). *Variation and Change in the Encoding of Motion Events*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 77–113. DOI: 10.1075/hcp.41.04w2281.
- Wilkins 1991 — D. Wilkins. The semantics, pragmatics and diachronic development of “associated motion” in Mparntwe Arrernte // *Buffalo Papers in Linguistics*. 1991. № 1. P. 207–257.
- Zwarts 1995 — F. Zwarts. Nonveridical contexts // *Linguistic Analysis*. 1995. Vol. 25. № 3–4. P. 286–312.

Источники

- Аврорин 1986 — В. А. Аврорин. *Материалы по нанайскому языку и фольклору*. Л.: Наука, 1986.
- Бельды, Булгакова 2012 — Р. А. Бельды, Т. Д. Булгакова. *Нанайские сказки*. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien; SEC Publications, 2012.
- Казакевич и др. 2007 — О. А. Казакевич, Е. А. Ренковская, Д. Вахонева, Н. Мамонтова. *Экспедиция к эвенкам Подкаменной Тунгуски. На Северной Таймуре, рассказчик С. М. Андреева*, 2007. <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru/text/na-severnoy-taymure-s-m-andreeva> (дата обращения: 01.04.2021).

- Оскольская и др. 2013 — С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова, К. А. Шагал. Неопубликованная полевая коллекция устных текстов на нанайском языке. Собрана в Хабаровском крае в 2009–2013 гг.
- Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.
- Lk_eve — Евангелие от Луки на эвенском языке (пер. В. С. Элрики). М.: ИПБ, 2001.
- Lk_evn — Евангелие от Луки на эвенкийском языке (пер. Н. Я. Булатовой, А. Н. Мыреевой). М.: ИПБ, 2001.
- Lk_gld — Евангелие от Луки на нанайском языке (пер. А. В. Столярова под ред. А. С. Киле). М.: ИПБ, 2002.
- Matt_gld — Евангелие от Матфея на гольдском (нанайском) языке (перевод священника Прокопия Протодиаконова). Казань: Изд. Православного миссионерского общества, 1884.
- NewTest_cav — Новый Завет на языке кавиненья: <https://www.bible.com/versions/538-cav-cavinena> (дата обращения: 01.04.2021).
- Nikolaeva et al. 2003 — I. Nikolaeva, E. Perekhval'skaya, M. Tolskaya. Udeghe texts. Osaka: ELPR, 2003.
- Pakendorf, Aralova 2017 — B. Pakendorf, N. Aralova. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur. London: SOAS, Endangered Languages Archive, 2017. <https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1041287> (дата обращения: 12.12.2023).

References

- Alonso de la Fuente, Jacques 2018 — J. A. Alonso de la Fuente, G. Jacques. Associated motion in Manchu in typological perspective. *Language and Linguistics*. 2018. Vol. 19. No. 4. P. 501–524. DOI: 10.1075/lali.00018.alo.
- Belkadi 2015 — A. Belkadi. Associated motion with deictic directionals: A comparative overview. *SOAS Working Papers in Linguistics*. 2015. No. 17. P. 49–76.
- Belkadi 2021 — A. Belkadi. Deictic directionality as associated motion: Motion, complex events and event integration in African languages. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 163–200. DOI: 10.1515/9783110692099-005.
- Benzing 1955 — J. Benzing. *Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik* (Akademie der Wissenschaften und Der Literatur. Abhandlungen der Geistes- Und Sozialwissenschaftlichen Klasse). Vol. 11. Wiesbaden: Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz in Kommission bei Franz Steiner Verlag, 1955.

- Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives. *Letras de Hoje*. 2016. Vol. 51. No. 3. P. 325–348. DOI: 10.15448/1984-7726.2016.3.25454.
- Filatov, this volume — K. Filatov. *Tsel peremeshcheniya v Yevangelii ot Luki: k usovershenstvovaniyu protsedury vydeleniya prototipicheskikh kontekstov* [Goal of motion in the Gospel of Luke: towards the amelioration of the prototypical contexts identification procedure]. This volume.
- Giannakidou 2009 — A. Giannakidou. The dependency of the subjunctive revisited: temporal semantics and polarity. *Lingua*. 2009. Vol. 120. P. 1883–1908. DOI: 10.1016/j.lingua.2008.11.007.
- Giannakidou, Mari 2021 — A. Giannakidou, A. Mari. *Truth and Veridicality in Grammar and Thought. Mood, Modality, and Propositional Attitudes*. Chicago: University of Chicago Press, 2021. DOI: 10.7208/9780226763484.
- Guillaume 2006 — A. Guillaume. La catégorie du ‘mouvement associé’ en cavineña : apport à une typologie du codage du mouvement et de la trajectoire. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. Vol. 101. No. 2. 2006. P. 415–436. DOI: 10.2143/BSL.101.1.2019831.
- Guillaume 2008 — A. Guillaume. *A grammar of Cavineña*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. DOI: 10.1515/9783110211771.
- Guillaume 2009 — A. Guillaume. Les suffixes verbaux de mouvement associé en Cavineña. *Faits de langues*. 2009. Les cahiers 1. P. 181–204.
- Guillaume 2016 — A. Guillaume. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives. *Linguistic Typology*. 2016. Vol. 20. No. 1. P. 81–177. DOI: 10.1515/lingty-2016-0003.
- Guillaume, Koch (eds.) 2021 — A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. DOI: 10.1515/9783110692099.
- Guillaume, Koch 2021 — A. Guillaume, H. Koch. Introduction: associated motion as a grammatical category in linguistic typology. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 3–30. DOI: 10.1515/9783110692099-001.
- Jacques 2013 — G. Jacques. Harmonization and disharmonization of affix ordering and basic word order. *Linguistic Typology*. 2013. Vol. 17. No. 2. P. 187–215. DOI: 10.1515/lity-2013-0009.
- Jacques et al. 2021 — G. Jacques, A. Lahaussois, Sh. Zhang. Associated motion in Sino-Tibetan, with a focus on Gyalrongic and Kiranti. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 819–854. DOI: 10.1515/9783110692099-021.
- Koch 1984 — H. Koch. The category of “associated motion” in Kaytej. *Languages in Central Australia*. 1984. Vol. 1. P. 23–34.

- Koch 2017 — H. Koch. *Associated motion in Arandic and other Australian languages revisited*. Talk delivered at ALT-2017, Canberra, 2017.
- Koch 2021 — H. Koch. Associated motion in the Pama-Nyungan languages of Australia. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 231–324. DOI: 10.1515/9783110692099-007.
- Konoshenko, this volume — M. Konoshenko. *Quotatives in Guinean and Liberian Kpelle: a study of parallel Bible corpora and non-biblical texts*. This volume.
- Kotvich 1909 — V. I. Kotvich. Materialy dlya izucheniya tunguskikh narechiy [Materials for studies on Tungusic dialects]. *Živaja Starina*. 1909. Vol. II–III. P. 206–218.
- Levinson, Wilkins 2006 — S. Levinson, D. Wilkins. Patterns in the data: Toward a semantic typology of spatial description. S. Levinson, D. Wilkins (eds.). *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 512–552. DOI: 10.1017/CBO9780511486753.015.
- Lovestrand, Ross 2021 — J. Lovestrand, D. Ross. Serial verb constructions and motion semantics. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 87–128. DOI: 10.1515/9783110692099-003.
- Paducheva 2015 — E. V. Paducheva. Snyataya utverditel'nost' i neveridikal'nost' (na primere russkikh mestoimennykh otritsatel'nykh polyarnosti) [Suspended assertion and nonveridicality: the case of Russian Negative Polarity Items]. *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39. P. 129–162. DOI: 10.1007/s11185-015-9145-6.
- Pakendorf, Stoyanova 2021 — B. Pakendorf, N. Stoyanova. Associated motion in Tungusic languages: a case of mixed argument structure. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 855–897. DOI: 10.1515/9783110692099-022.
- Panova, this volume — A. B. Panova. *Kontinuativnyye konteksty v Yevangelii ot Luki* [Continuative contexts in the Gospel of Luke]. This volume.
- Petrov 2013 — A. A. Petrov. Pravoslaviye i korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: istoriya i sovremennost' v yetnolingvisticheskom aspekte [Orthodox Christianity and indigenous peoples of the Russian North, Siberia, and Far East]. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy*. 2013. Vol. 24. No. 4. Available at: <http://www.hcpncr.com/journ2413/journ2413petrov.html> (accessed on 12.12.2023).
- Plungian, this volume — V. Plungian. *Parallelnyy korpus kak grammaticheskaya baza dannyykh i Novyy Zavet kak parallelnyy korpus (predisloviye)* [The parallel corpus as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus (Preface)]. This volume.
- Rose 2015 — F. Rose. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations. *Folia Linguistica*. 2015. Vol. 49. No. 1. P. 117–158. DOI: 10.1515/flin-2015-0004.

- Ross 2021 — D. Ross. A cross-linguistic survey of Associated Motion and Directionals. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 31–86. DOI: 10.1515/9783110692099-002.
- Sem 1976 — L. I. Sem. *Očerki dialektov nanayskogo yazyka. Bikinskiy (ussuriyskiy) dialekt* [Surveys on Nanai dialects. Bikin (Ussuri) Nanai]. Leningrad: Nauka, 1976.
- Stoynova 2016 — N. M. Stoynova. Pokazateli «dvizheniya s tselyu» i sobytiynaya struktura: suffiks *-nda* v nanayskom yazyke [Markers of “motion cum purpose” and event structure: *-nda* suffix in Nanai]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2016. No. 4. P. 86–111. DOI: 10.31857/S0373658X0001051-5.
- Stoynova 2017 — N. Stoynova. Pokazateli dvizheniya s tselyu v yuzhnotungusskikh yazykakh i kategoriya “associated motion” [Markers of “Motion cum Purpose” in Southern Tungusic and Associated Motion]. E. M. Devyatkina (ed.). *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statey po materialam Pyatoy konferentsii-shkoly “Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh” (16–17.02.2017)*. Moscow: Institute of Linguistics RAS, Kancler, 2017. P. 321–339.
- Taboada, Trnavac 2014 — M. Taboada, R. Trnavac. Introduction. Nonveridicality and evaluation across disciplinary boundaries. M. Taboada, R. Trnavac (eds.). *Non-veridicality and evaluation. Theoretical, computational and corpus approaches*. Leiden: Brill, 2014. P. 1–14. DOI: 10.1163/9789004258174_002.
- Voisin 2013 — S. Voisin. Expressions de trajectoire dans quelques langues atlantiques (groupe Nord). *Faits de Langues*. 2013. Vol. 42. No. 1. P. 131–152. DOI: 10.1163/19589514-042-01-900000008.
- Voisin 2021 — S. Voisin. Associated motion and deictic directional in Atlantic languages. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 611–664. DOI: 10.1515/9783110692099-016.
- Volkov, Stenin 2019 — O. S. Volkov, I. A. Stenin. Andativ i ventiv v yazykakh Sibiri: k tipologii glagolnoy orientatsii [Andative and ventive in languages of Siberia. Towards a typology of verbal orientation]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. 15. Pt. 1. P. 289–319. DOI: 10.30842/alp2306573715114.
- Vuillermet 2012 — M. Vuillermet. Une typologie en cheminement: Contribution de l’ese ejja à l’étude du mouvement associé. *Revue de linguistique et didactique des langues* (Numéro thématique “Typologie et description linguistiques”). 2012. Vol. 46. P. 79–100. DOI: 10.4000/lidil.3244.
- Wilkins 1991 — D. Wilkins. The semantics, pragmatics and diachronic development of “associated motion” in Mparntwe Arrernte. *Buffalo Papers in Linguistics*. 1991. No. 1. P. 207–257.
- Wälchli 2005 — B. Wälchli. *Co-Compounds and Natural Coordination*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy ‘again’, or the eternal return of the same. *Studies in Language*. 2006. Vol. 30. No. 1. P. 69–113. DOI: 10.1075/sl.30.1.04wal.
- Wälchli 2016 — B. Wälchli. Non-specific, specific and obscured perception verbs in Baltic languages. *Baltic Linguistics*. 2016. No. 7. 2016. P. 53–135. DOI: 10.32798/bl.384.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 671–710. DOI: 10.1515/ling-2012-0021.
- Wälchli, Sölling 2013 — B. Wälchli, A. Sölling. The encoding of motion events: Building typology bottom-up from text data in many languages. J. Goschler, A. Stefanowitsch (eds.). *Variation and Change in the Encoding of Motion Events*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 77–113. DOI: 10.1075/hcp.41.04w228l.
- Zwarts 1995 — F. Zwarts. Nonveridical contexts. *Linguistic Analysis*. 1995. Vol. 25. No. 3–4. P. 286–312.

Получено / received 04.04.2022

Принято / accepted 28.11.2022